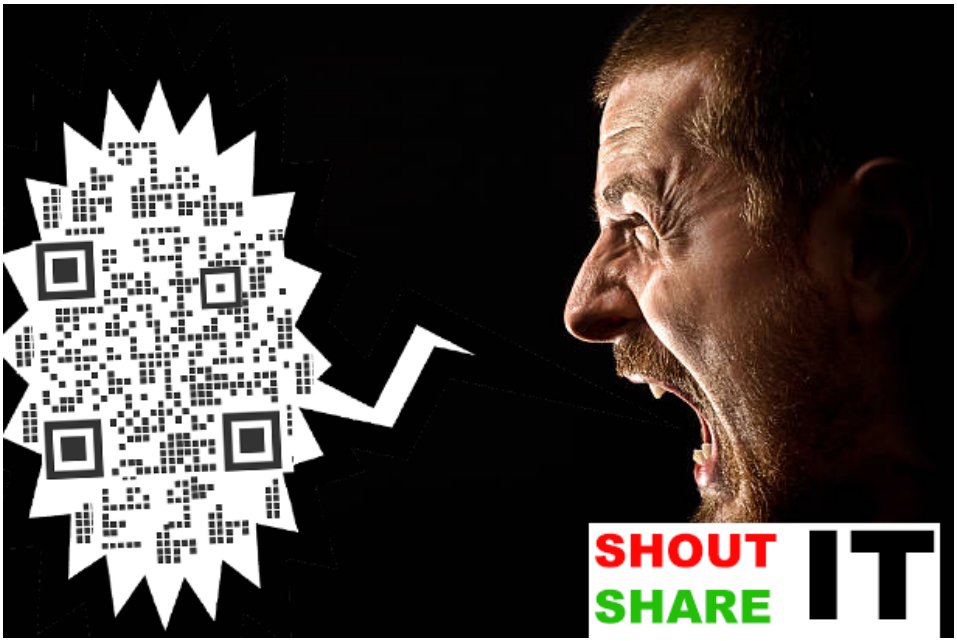
Ирина Кирпичникова

Красный башмачок

Издательство «Детская литература»


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей новой книге ленинградская журналистка рассказывает о славных династиях рабочих Сорокиных и Полутовых, уже более века создающих отличную обувь на знаменитой фабрике «Скороход».

- Ирина Кирпичникова
  -
  - Деревенский мечтатель
  - Узник английской эскадры
  - «Сочинитель» туфелек
  - Майор в отставке
- notes
  - 1

Ирина Кирпичникова
Красный башмачок

Семейные новеллы

Деревенский мечтатель

Мальчишки были похожи на мокрых нахохлившихся Воробьёв. Они стояли на кочках у самой дороги и напряжённо ждали.

Герасим пришёл позже всех. Поэтому и досталось ему самое невыгодное место: далеко от ворот. Когда будут выкликать, могут и не заметить. Эх, надо было пораньше проснуться!

Потолкаться у кожевенного завода его надоумила Марфа, дальняя родственница, у которой он квартировал. Герасим искал работу. Но пока неудачно. И тут, вишь, сколько оказалось желающих.

Герасим оглядел мальчишек. Щупленькие, плохо одетые, с бледными худыми лицами. Было им лет по одиннадцать-тринадцать. Герасим заметно от них отличался. Хоть и невелик ростом, но крепко сложен. Ладный армячок на нём лихо подтянут ремешком. На голове мохнатая баранья шапка. Холщовые штаны тщательно заправлены в крепкие, густо смазанные салом сапоги.

Эти сапоги — его большая гордость. Ни у одного мальчишки во всей деревне не было сапог. Ходили в лаптях, а больше босиком. Зимой и вовсе не слезали с печки — не в чем пробежаться по снегу. А для Герасима родители заказали сапоги у бродячего кимряка — телушку-однолетку продали. И всё-то ради его учёбы.

Славилось когда-то обувным промыслом в Тверской губернии село Кимры. И нынче всякого бродячего сапожника называли кимряком.

Герасим тоже собирался стать кимряком — вот только заработает деньги на свою мастерскую да научится делу. Для этого он и приехал в город.

Новенького сразу унюхала собака-попрошайка: от него исходил приятный запах свежей соломы, тёплого хлева и чего-то неповторимо уютного.

Собака подняла на Герасима морду: глянули голодные, полные отчаяния глаза. И у парнишки сжалось сердце.

Он хотел погладить её. Но она тут же отскочила.

— Чего боишься-то, — заметно окая, произнёс Герасим. — Не трону… Как тебя кличут? — И сам ответил: — Небось Бедолага? Как же по-другому. Бедолага ты и есть.

Шерсть на собаке скаталась, бока ввалились, хвост был поджат под самое брюхо. Герасим всё-таки дотянулся до неё и почесал за ушами. Собаке понравилось: ещё никогда ей так приятно не делали. В знак благодарности она даже попыталась

вильнуть хвостом. Но ничего не получилось: хвост оказался перебитым.

— Ну-кось постой. — Мальчишка принялся её ощупывать. Собака тихонько повизгивала. Но не вырывалась.

Ага, понятно. Герасим достал из-за пазухи тряпицу, оторвал от неё кусок. Потом подобрал с дороги пару щепок и прибинтовал к хвосту.

— Не горюй, — подмигнул он. — Заживёт, как на собаке!

Пока возился, в воротах появился мастер. Без лишних разговоров обошел мальчишек и четыре раза ткнул пальцем: «Ты, ты, ты, ты».

Возле новенького он остановился. «Гляди прямо в очи, не переставай улыбаться, — вспомнил Герасим напутствие матери. — Трудно отказать человеку с хорошим взглядом и доброй улыбкой».

— Ишь, белозубый! Ну иди и ты.

Герасим наскоро нагнулся к Бедолаге: «Жди меня». И поспешил за мастером.

Остальные мальчишки враз разбежались: заторопились на рынки и в торговые ряды — авось там удастся подзаработать.

А счастливчиков привели в мрачный сырой цех. В нос ударил удушливый кислый запах.

— Кхе, кхе, кхе, — неудержимо раскашлялся Герасим. Слёзы выступили из глаз. Ничего более противного ему не доводилось нюхать.

Всё помещение занимали огромные деревянные лохани и чаны, наполненные тёмной жидкостью. В узких проходах между ними застыла чёрная слизь. Плесень покрывала стены.

Рабочие в длинных кожаных передниках таскали на шестах кипы мокрых кож и раскладывали их по лоханям. Другие, распластав кожи на наклонных козлах, с усердием скребли их длинными резаками. Вокруг летели кожаные стружки и липкие брызги.

Ребят подвели к низенькой грязной скамье у печи.

— Скидывай сапоги, — скомандовал мастер.

Мальчишки разулись и без стеснения начали высоко закатывать портки. Глядя на них, и Герасим снял свои новые сапожки, аккуратно сложил их подошва к подошве и, выбрав место почище, прикрыл армячком.

— Старшой, куда загонять мальчишек? — крикнул мастер кому-то.

Появился старичок в надвинутом на лоб картузе и круглых железных очках.

— Сейчас попробуем. — Он нагнулся над низким чаном, где в

буром киселе лежало нечто мерзко-скользкое. Взял в щепоточку жижу и попробовал её на вкус.

Герасима аж передёрнуло.

Заметив его гримасу, старичок ласково сказал:

— Не брезгай. Ничего дурного в «хлебнике» нету — мука, яйца да немного соли с квасцами. Это тебе не «клюквенник».

Герасим поинтересовался: а из чего «клюквенник»? Мальчишки захихикали: ишь, не знает! Старшой строго глянул на них поверх очков.

— «Клюквенник» — это куриный помёт. В нём кожу вымачивают. Так положено в сапожном деле. — И добавил: — Ежели хочешь стать сапожником, должен уметь кожу готовить. С неё всё ремесло и начинается. Ужо расскажу, как это выделывается: сначала кожи солят. Затем квасят в «клюквеннике» и в «хлебнике». Ещё кожу дубят: отмачивают в растворе, запаренном дубовой корой или ивовыми прутиками. Потом кожу красят, затем мездрят — или, иначе говоря, счищают неровности. При этом много раз приходится кожу промывать в тёплой и холодной воде. И вот приходит время, когда она становится гибкой и мягкой и её уже можно просушивать. Только после этого всего кожа становится пригодной для шитья сапог. А вот барышням на бальные туфельки идёт исключительно лайка. Для неё особые правила приготовления. Скажем, разминать лайку требуется только мальчишескими пятками, — чтоб сделалась кожа нежной и мягкой. И никак по-другому нельзя.

Босоногие ребятишки влезли в чан. Положили друг другу руки на плечи, сомкнули хоровод и затянули старинную песню:

Годи я, годи ты.
Ходи-годи, а кабы.
Води-боди, а не вы,
Ходи я, ходи ты…

Это бесконечно повторяемое заклинание, казалось, помогало ребятам не свалиться в чан. Поначалу было занятно скользить по сырым шкурам. Но постепенно силы стали оставлять. Начало щипать голые пятки. От монотонных движений и дурного запаха стала кружиться голова. Герасим едва дождался заводского гудка, известившего о конце работы.

В награду за усердие с мальчишками расплатились не деньгами, а… пирожками.

Получил свой пирог и Герасим. Усталым вышел он за ворота. Моросило. Сыпал нудный дождик пополам со снегом. Вконец промокшая, дрожащая всем телом Бедолага встретила мальчишку на дороге. И странно: он ей несказанно обрадовался. Было приятно, что он не один.

И опять он погладил собаку. Она жалостливо заскулила.

— Да, правда, ты ж голодная, — спохватился Герасим. — Хочешь пирога?

Первый отломленный кусочек Бедолага проглотила не моргнув. Герасим дал ещё. И опять она с жадностью схватила кусок. Он снова отломил… От пирога вкусно пахло постным маслом и запечённой капустой. У Герасима текли голодные слюни. Но он не решился отказать Бедолаге и скормил ей весь свой «заработок».

Повеселевшая собачонка побежала провожать его домой.

У Марфы за столом как раз вечеряли. На столе дымился чугунок с картошкой, сдобренной поджаренным чухонским шпиком. Собралась вся семья во главе со Степаном, Марфиным мужем.

Но к столу Герасима не пригласили: посчитали, что он сыт. А Марфа ещё и упрекнула его:

— Мог бы ребятишкам гостинца принести — пирог-то дали большой.

Герасим ничего не сказал про Бедолагу. Он не обиделся на Марфу. Замотанная жизнью, она превратилась в патлатую ворчливую бабу. А ведь была когда-то в деревне первая резвушка…

На следующее утро Герасим собирался на работу вместе со Степаном. Они выпили по кружке заваренного смородинным листом чая да закусили горбухой хлеба. И ушли: Степан — в мастерскую, Герасим — опять к воротам кожевенного завода.

И надо же такому случиться: опять ему встретилась Бедолага. Радостно завиляла хвостом.

Всё повторилось, как в первый раз: мастер отобрал четверых мальчишек и в придачу его, белозубого.

Опять они мяли лайку и опять заработали по пирогу. И снова Герасим свой пирог почти весь скормил Бедолаге — только оставшиеся крошки стряхнул себе в рот.

Так продолжалось несколько дней. Пока однажды Марфа не подняла крик:

— Степан, да устрой ты его куда угодно! Только бы не воняли его ноги! Задыхаюсь… Дети кашляют… И ещё собаку привадил.

— Где? — спросил Степан.

— У крыльца ошивается.

Степан вышел. У Герасима сжалось сердце. Что будет с Бедолагой? Прогонит ведь!.. Он так к ней привык. Но вступиться за животинку не посмел: сам тут был на птичьих правах…

Тем временем за дверями послышался грохот и стук. Степан с кем-то разговаривал, но трудно было разобрать. Собака не лаяла.

Наконец Степан вернулся.

— Выгнал? — спросила Марфа.

— Под крыльцом конуру устроил.

Марфа в злобе бросила ухват об пол.

— Все вы против меня собравшись… — И заплакала.

— Не кричи, Марфа. Хуже зверей живём. Добро делать разучились. Пускай собачонка себе живёт. Детишкам будет с кем играть.

Марфа дулась целый вечер. А потом сама же собрала с мисок кусочки и накрошила Бедолаге похлёбку.

Странная была эта Марфа. Орала злобно, а делала по-доброму. Видно, непроглядная нужда сделала её такой. Своих четверых ребятишек она щедро награждала подзатыльниками и не менее щедро ласкала и жалела. Вечно она торчала у плиты.

Варила и стирала, и беспрерывно обтирала руки о грязный передник.

Именно Марфа настояла на том, чтобы Степан отнёс мастеру присланный из деревни окорок.

— Не подмажешь — не поедешь.

И действительно, окорок возымел своё действие: Герасима взяли учеником в колодочную мастерскую Булгакова. Находилась она рядом с фабрикой «Скороход», и делали на ней колодки, по которым на фабрике шили башмаки.

Поначалу Герасима определили мальчиком на побегушках. Бегал он под навес лесопилки укладывать в штабеля буковые чурки. Потом бежал к рубщикам помогать колоть толстые круглые брёвна. Потом относил болванки пропаривать в паровом котле. Затем нужно было намыливать распаренные болванки и укладывать их сушить в клети. Всюду поспевай, а в награду — одни подзатыльники.

Когда наступала пора тесать из тех болванок заготовки, работы у Герасима ещё прибавлялось. Рубил заготовки самый сильный и меткий сапожник Харитон. Было страшно смотреть, как он, придерживая одной рукой болванку, строгал её острым, словно бритва, топором. Ни одного неверного удара, ни одной лишней стружки не спустит с деревяшки. Ну, а Герасим хватает на лету заготовки, прячет в мешки и только успевает убирать вокруг колоды стружку.

Брались рубить заготовки и другие. Но у них получалось хуже: много дерева шло в отходы, да и сами заготовки часто выходили кривыми и косыми. Уж никуда не годились, ими топили печь.

Однажды кто-то оставил у печи мешок с заготовками. А Герасима как раз снарядили печи топить. Мальчишка и побросал всё, что было в мешке, в огонь.

Но оказалось, что там, в мешке, были настоящие заготовки.

Как узнал про это мастер, схватил он Герасима за шиворот, снял с себя кожаный ремень и давай стегать мальчишку что есть

силы.

Мастерская огласилась громкими воплями:

— Ой, пощадите! Ой, помилуйте!

Но мастер был неумолим. Да и другие сапожники помалкивали: раз виноват, по справедливости и бьют. Жаль, конечно, парнишку, но за вину должон терпеть…

Наконец вмешался Харитон. Он тяжело опустил свою огромную ладонь на мастерово плечо, не выпуская из другой руки топор.

— Ну, поизмывался и будя!

Мастер тут же отпустил мальчишку, и Герасим с проворностью мыши юркнул в тёмный угол за дровами. Там и просидел до вечернего гудка. Уходил домой со слезами. А пожаловаться было некому. Только уткнулся в тёплую Бедолагину шерсть и, всхлипывая, излил ей душу.

На другое утро Харитон усадил Герасима рядом с собой на низенькую липку — деревянную сапожную табуретку с парусиновым сиденьем. Сказал хозяину:

— Буду к колодочной науке парня приучать. Теперь, кто к нему заимеет претензии, пущай разбирается со мной.

Булгаков согласился.

— Но учти, — сказал он. — Раз взял помощника, сам ему и плати.

Так было всегда. Поэтому знающие рабочие не любили учеников: мало того, что выдавай ему свои профессиональные секреты, еще и плати ему из своего кармана. Они предпочитали видеть мальчишек на побегушках. А своё умение про себя держали. Сапожник Кузьмин так обычно говаривал: «Пошто бросать на ветер знания. Научишь тут всяких, а самого за ворота вышвырнут, как ненужного».

Но Харитон не побоялся взяться за обучение. Человек он был добрый, отзывчивый, и характер у него был щедрый.

Не поскупился он потратить на Герасима время.

— Сделаем из тебя заправского сапожника, — подмигнул он мальчишке. — За битого двух небитых дают.

Надел на Герасима длинный до пят передник с нагрудником из толстенной кожи. Вручил необыкновенно длинный тесак с ручками на обоих концах. Да ещё прибавил разных ножей и напильников целую кучу.

Показал он Герасиму, как ловчее держать заготовку, чтобы она одним концом упиралась в верстак, а другим — в кожаный нагрудник.

— Гляди: что нужное, оставить, а лишнее стесать.

— А с чего глядеть-то?

Харитон смутился. Он, опытный, знал колодку наизусть. А мальчишке нужен был какой-то образец.

— Тогда гляди, к примеру, на свою ногу…

Герасим тут же разулся и посмотрел: нога как нога — ничего в ней особенного нет.

— А чего на неё глядеть, — с досадой сказал он.

— Неправда твоя. Рази не видишь: нога у человека хитро устроена. Знаешь вот, на чём ты стоишь?

— На подошве.

— И да, и нет… На двух подушках, которые есть в подошве, — на пяточной и носочной. Глянь, а между ними мосток поднимается арочкой. В нём спрятана косточка-пружинка. Ты идёшь, а она мягко пружинит.

— А пальцы зачем?

— Пальцы ноге дадены исключительно для ходьбы. Пяткой ступаешь — пальцами отталкиваешься. Такая у них работа! Да и вообще, любая косточка, любая мышца в ступне для своего дела предназначена. И обувка не должна мешать, а помогать в ходьбе. Поэтому-то и строгаем колодочку точно по ступне.

Уразумел Герасим. Взгромоздил он босую ногу на верстак и принялся по ней резать колодку.

Увидев это, сапожники рассмеялись. А он знай делает своё дело. От усердия даже язык прикусил.

— Шибко не размахивай, — предупредил Харитон. — Не ровен час, пробьёшь нагрудник тесаком, калекой останешься.

Смастерил Герасим колодку: точь-в-точь его правая нога.

— Добро! — похвалил Харитон. — Теперь по ней левую строгай.

Но Герасим пока ещё так не умел. Ему нужно было на образец

смотреть. Скинул он левый сапог, вытянул ногу на верстак. И опять вызвал всеобщий хохот.

Да пусть себе смеются! В мастерской ведь не так часто бывает весело. Медленно приходило к Герасиму мастерство. Бывало, и запорет заготовку. Сразу же мастер тут как тут: штраф, мол, с учителя за то, что недоглядел.

Но всё-таки умение накапливалось. Пришла пора получить Герасиму своё первое жалованье. Разделил он его на три равные части. Одну часть — за квартиру, вторую — Марфе на харчи, а третью отнёс в сапожную лавку.

Давно уж он приметил её на Обводном канале. Там торговал чернобородый еврей. В свободное время Герасим с Бедолагой ходили поглазеть на маленькую мутную витрину. Были там выставлены всякие нужные сапожные инструменты, гвозди, дратва, канифоль, даже — липка и верстак.

С завистью рассматривал Герасим всё это богатство. Да пока не на что было покупать, он и не входил в лавку. Но твёрдо решил: «Вот появятся деньги — начну постепенно приобретать кимряцкое хозяйство». Уже завёл для него крепкий сундучок с прочным замком, — чтоб, не дай бог, Марфины ребятишки не растащили по недомыслию.

Однако ж, когда пришёл срок, с первой получки удалось Герасиму купить лишь коробку мелких гвоздей да моток дратвы.

…Шло время.

Как-то приехал в мастерскую седой есаул заказывать колодки для новых сапог. Сильно прихрамывая, он с трудом поднялся на второй этаж.

Хозяин встретил его с заискивающим почтением.

— В прошлый раз вам колодки исполнял Кузьмин. Удачными ли получились сапоги?

— Нет, — мучительно морщась, ответил есаул.

— А позапрошлый — старик Голубев…

— Тоже не угодил.

— На сей раз, может быть, Герасиму Полутову поручим, — предложил хозяин. — Тут объявился у нас шустрый мальчишка. Память изумительная. Ему лишь один раз руками ощупать — и доподлинно запоминает ногу.

— Давайте попробуем.

Призвали Герасима.

Тот, как увидел бравого кавалериста, враз остолбенел. Поразило мальчишку великолепие военного мундира: ордена, золотые украшения, яркие нашивки на френче, шаровары с лампасами и «бутылочками» блестящие лакированные сапоги с серебряными шпорами. Ещё никогда так близко Герасим не видел

столь роскошного господина. От удивления он раскрыл рот, не мог произнести ни слова.

— Э, да ты, вижу, мною восхищаешься, — сказал есаул, страдальчески закатывая глаза. — Не стоит завидовать! На коне я ещё герой, а вот пеший… Человек с мозолями не может быть счастливым.

Посмотрел Герасим на его ноги: какие же они уродливые! Сбоку у больших пальцев торчат лилово-малиновые костяшки.

На пятках, словно шпоры, выпирают бугры. Пальцы повалились в беспорядке друг на дружку, и на каждом торчит по жёсткой жёлтой гуле.

Неделю строгал Герасим колодки для есаула. Старики сапожники высказывали недовольство: почему именно его, мальчишку, предпочёл богатый заказчик.

Шушукались по углам, что, мол, не справится Герасим.

Но когда по Герасимовым колодкам сшили новые лакированные сапоги «бутылочками», есаул сразу заулыбался. Ступать в них оказалось легко и мягко, будто бы в чулках. И никакие мозоли не болели.

Есаул велел позвать к себе юного колодочника и одарил его серебряным рублём. На, мол, разгуляйся!

Но Герасим не стал зря тратиться, а отнёс рубль в сапожную лавку. Купил парный инструмент — и молоток и клещи одновременно.

Он уже приучился во всём себе отказывать. Не лакомился пряниками и красными леденцами, как другие подмастерья. Сам себе латал и перешивал штаны и сапоги. Не ходил он на гулянья в Румянцевский лес. И уж ни разу не ездил на конке на Невский.

Он и Марфе наказывал:

— Корми меня подешевле, чем попроще. Сахару не давай. Не малой я, обойдусь.

А как только заведётся у него лишний гривенник, складывал монета к монете. И шёл к чернобородому лавочнику купить шило, а то лапку или, скажем, сухого клея. Всё потом в деле пригодится.

Однажды приобрёл Герасим пару колодок. Увидел Степан, что его квартирант прячет в буковом сундучке.

— Никак украл? Грех на душу принял…

— Нет-нет, — поспешил оправдаться Герасим. — Как ты мог подумать такое.

И рассказал ему про сапожную лавку, про свои заветные думки.

— Мечтаю в кимряки податься. Возьму с собой Бедолагу, и будем ходить по деревням, обувать простой люд.

— Куркуль ты, — сказал Степан. — Словно клуша — та всё под себя знай гребёт: мой инструмент, мой товар, моя мастерская… Да разве в одиночку много назаработаешь!

Узнал про состоявшийся разговор Харитон. И так же, как Степан, не одобрил Герасимовых намерений.

— Кимряк может услужить в деревне двум-трём крестьянам. Остальные как ходили, так и будут ходить в лаптях. А чтобы обуть весь народ, нужны фабрики. А на фабриках первые люди кто? Мы, рабочие. Выходит, что без рабочих людей не зажить народу привольно.

Однако Герасим гнул свою линию:

— И с одного много может быть пользы, коли такой человек всё умеет. Я уж научился дубить кожи. Знаю, как резать колодки. Теперь бы мне посмотреть, как башмаки по частям собирают, — вот и готов кимряк! На «Скороход» бы попасть мне…

Скоро такой случай и вправду представился.

В последнее время дела у хозяина шли неважно. Богатые заказчики появлялись редко. Зато чаще наведывались в мастерскую чиновники соседнего «Скорохода», присматривались к колодочникам, вели с Булгаковым тайные переговоры.

А однажды пожаловал сам управляющий. Он сопровождал статную даму и очаровательную девочку лет двенадцати.

— Туфли для барышни, — отрывисто приказал он Булгакову. — И чтоб зер гут![1] На фабрике сошьём, но нужны колодки.

Хозяин мастерской замельтешил перед важными господами:

— Как будет угодно! Поручим лучшему мастеру…

И снова позвали Герасима.

Девочка встретила юного сапожника презрительной усмешкой. Герасим опустился перед нею на колени. Она грациозно поставила на его ладонь маленькую ножку в белом кружевном чулке. И Герасим принялся легонько ощупывать изящные изгибы её ноги. Пальцами он запоминал особенности ступни.

А девочке сделалось щекотно. Её блестящие, как вишни, глаза сощурились. Она игриво тряхнула чёрными локонами и звонко рассмеялась.

— У, какой занятный! Мне смешно!

Булгаков поспешил объяснить, что у Герасима своя метода снимать мерку.

В картонной коробке на столике лежал товар для туфелек — нежная розовая лайка. Ах, вот какими становятся те самые шкурки, которые Герасим когда-то разминал с мальчишками за пирожок! Теперь эта мягкая, упругая кожа напоминала дорогой бархат. Из неё получатся замечательные туфельки!

Герасим взял в руку розовую лайку и невольно приложил её к щеке: волна тёплой приятности захлестнула его — будто приласкала материнская рука. Щёки вспыхнули пунцовым румянцем.

— За энтим товаром глаз бы надобно, — робко произнёс он.

(У Герасима была своя деревенская хитрость: собственными глазами поглядеть, как шьют обувь на фабрике.)

— Ишь, пострел! Без твоих советов обойдёмся! — резко оборвал его хозяин.

Но управляющий возразил:

— Пусть присмотрит. (У управляющего тоже была своя выгода: раз парнишка вызвался сам — вот и пусть задаром таскает товар из цеха в цех.)

…Сначала Герасима отправили к закройщикам. На высоких столах они по выкройкам резали кожи.

Один закройщик выкроил острым ножом для девочкиных туфель подмётки из толстой кожи. Второй аккуратно взял из коробки розовую лайку и по фасону вырезал верхнюю часть лодочки, а заодно — нарядные бантики к ним. Третий подготовил кожаную стельку и белую матерчатую подкладку.

Заготовки уложили обратно в коробку, и Герасим отправился дальше — в пошивочный цех. Тут за ручными машинками сидели сапожники и строчили кожи. Они пришили подкладку к лайковому верху лодочек, пристрочили по ободку кант, стянули замысловатыми узлами бантики.

Только когда все детали были готовы, Герасим попал к затяжникам: их задача — соединять всё вместе.

Теперь понадобилось достать из коробки Герасимовы колодки.

Затяжник наложил на колодку кожаную стельку. Потом осторожно натянул сверху розовую заготовку. Расправил лайку, — чтоб ни единой морщинки не осталось. Нижний край загнул под стельку, передок закрепил гвоздями. Затем достал кривую иглу, вдел длинную нитку и с помощью шила начал пришивать всё вместе — передок, стельку и задник. После этого стал прочно прикреплять подошву.

Теперь на колодках уже было видно, какие-такие получаются туфельки-лодочки. Только каблуков не хватало.

Пошёл Герасим к каблучникам. Те сколотили из кусочков кожи невысокие наборные каблучки и прибили их к туфелькам.

Осталось заглянуть к отделочникам, — чтоб те пришили бантики.

Ну вот и всё.

Самым последним взял в руки туфельки контролёр. Выбил он молоточком из лодочек деревянные колодки. Теперь уже они не нужны, свою службу сослужили. Лодочки готовы: бери да надевай!

Закончилась работа над парой обуви. Сколько же людей приняло в ней участие! И каждый — со своим умением. Сможет

ли справиться со всеми этими операциями один кимряк?

Теперь Герасим видел, что сапожное ремесло вовсе не такое простое, каким оно представлялось ему вначале. Долго ещё ему придётся в нём разбираться…

Меж тем события в колодочной мастерской разворачивались стремительно.

Хозяин Булгаков окончательно разорился и продал мастерскую со всеми верстаками, липками, а заодно — и со всеми работниками — «Скороходу».

Поскольку фабрика находилась рядом, забор перенесли, и здание мастерской очутилось на общем скороходовском дворе.

Теперь колодочники на работу ходили со всеми фабричными через узкую калитку. Нужно было попасть точно к гудку. Раньше не пускали. Ну, а кто придёт позже, — штрафовали. У калитки каждое утро случалась то давка, то свалка.

Распоряжаться в мастерской назначили хмурого злобного немца. По-русски он, кроме ругательств, не знал других слов. И придирался по каждому пустяку.

Он-то и объявил бывшим булгаковским рабочим, что зазря им раньше платили такие деньги и что вот он теперь наведёт порядок. Всем пригрозили снизить заработки.

Колодочники зароптали. И без того они получали гроши. Едва хватало, чтобы прокормить себя и семью. Многие жили впроголодь. Обувались-одевались во что бог пошлёт. Редко какой одиночка мог скопить рублик-другой, чтобы послать родным в деревню. Уж никак нельзя было получать меньше…

Но люди побаивались открыто высказать свои недовольства. Станешь возмущаться, — того и гляди, вообще работы лишишься.

Тогда и проявил свой характер Харитон. Впрочем, он меньше всего бы пострадал. Работал он лучше всех и зарабатывал больше всех. Но нрав у него был непримиримый. Старый мастер об этом хорошо знал и, кажется, даже побаивался его. Не раз бывали случаи, когда Харитон вступался за своих товарищей.

И сейчас он возмутился первым. Пришёл к немцу в контору да как стукнет кулачищем по столу:

— Не имеешь права, кровопивец! Мы за свои гроши до седьмого пота вкалачиваем!

А немец с перепугу поднял крик: «Шволочь, как посмел на меня руку поднять!» И побежал жаловаться управляющему, будто бы Харитон его избил. А тот, не разобравшись, вызвал полицейских.

Харитона арестовали, посадили в тюрьму.

Герасим выпросил свидание с ним. Принёс ему передачу.

В камере он не узнал своего могучего учителя.

— Били?

— Не скрою, приятель, били.

— За что?

— Смутьян я.

— Так ведь правильно вступился. Вишь, и хозяева согласились: не скостили жалованье…

— Страшатся, что и другие поднимутся за правду. Чего доброго, ещё и прибавки потребуют. Опасно, когда смутьян заведётся: всех может перебаламутить. От таких, как я, стремятся избавиться.

Харитону присудили высылку из Петрограда — за возмущение спокойствия. Назначили в далёкий холодный Туруханский край.

— А ты держись, — подбодрил он Герасима. — Руки, вижу я, у тебя золотые. Талант к нашему делу имеешь пребольшой. Знатный сапожник из тебя выйдет!

Подарил он Герасиму крохотный красный башмачок, который, как в сказке, неизвестно когда и неизвестно как сумел смастерить в камере. Сколько ни разглядывал его Герасим, никак не мог понять, из чего он сделан.

— Храни его. Это — тебе. В награду за старание.

Перед отправкой ученик снова встретился со своим учителем. Приволок Харитону громадный узел тёплой одежды.

— Вот всё, что смог взять на вырученные деньги, — сказал он.

Харитон обомлел: знал, что никаких денег у Герасима не водилось.

— Никак продал свои инструменты?

Так парнишка стремился в кимряки! Всю жизнь мечту лелеял. Ради неё от лишнего куска хлеба отказывался. И вот тебе на: всё спустил. Ради чего? Да только для того, чтобы он, Харитон, не замёрз в сибирской ссылке!

— А как же заветная кимряцкая мастерская?

Герасим неопределённо махнул рукой:

— Передумал. — И добавил, привычно окая: — Бедолага возражает.

В ответ Харитон лукаво улыбнулся:

— Умнейшая у тебя псина! Передавай от меня ей низкий поклон…

Узник английской эскадры

— Пропуск!

Винтовка наперевес. Путь Сорокину преградил пожилой караульный.

Иван удивился: в мурманском порту его лицо уже примелькалось всем караульным матросам. Много раз он отправлял отсюда грузы в Петроград. Что же это сегодня караульный артачится?

— Неужто не узнаёшь? Кажись, при тебе я получал цистерну нефти?

Матрос отрицательно покачал головой.

— А уголь? Пшеницу?

Тоже не при нём.

— И про обувные машины не помнишь? — Иван пристально посмотрел матросу прямо в глаза. И понял: «Помнит, но не хочет

сознаваться. Почему?..»

В те дни петроградцы очень нуждались в продовольствии и топливе. В городе свирепствовал голод. Исчез хлеб. Рабочие получали паёк — всего полфунта (по-нынешнему это двести граммов) в день. И то не каждый раз хватало на всю очередь.

На «Скороходе» позакрывались цеха: не из чего было шить обувь. Голодающие сапожники разъехались по деревням в поисках продуктов для семей.

Шёл 1918 год. Жизнь нужно было налаживать по-новому, наводить порядок на фабриках и заводах.

И вот весной послали Ивана Сорокина сюда, в Мурман — разыскать и отправить в Питер обувные машины и кожи, которые фабрика закупила за границей ещё до войны. Расплатилась за них золотом. А грузы где-то задержались на складах. И ещё одно дали ему задание: раздобыть по возможности для фабрики топливо и продовольствие — его скопилось немало на полярных складах.

Иван облазил все пакгаузы, обшарил малые и большие гавани на побережье. Искать оказалось не просто: документы потерялись, а что упаковано в ящиках и тюках, — не дознаешься.

Тут ещё охотников до чужого добра нашлось немало. На Белом море, на Кольском полуострове хозяйничали англичане, французы, американцы — бывшие союзники, с которыми царская Россия вела войну против Германии. И сейчас, после Октябрьской революции, они не торопились покидать наши земли.

Ивану довелось столкнуться с интервентами не раз. Отыщет он какие-то грузы, а «союзники» тут же протестуют: мол, это наши, не трогайте!

Только революционера Сорокина на мякине не проведёшь. Своё, скороходовское, он всё равно нашёл, помогли матросы, грузчики, кладовщики. Кое-что успел отправить в Питер, а кое-что укрыл у надёжных людей.

Вот там, у дальней причальной стенки, его должен ждать ещё один готовый к отправке тральщик. Никто и не подозревает, что трюмы этого боевого корабля доверху нагружены тюками с отличными аргентинскими кожами.

А ведь тоже пришлось понервничать порядком, пока на такое уговорил военных моряков. Ни одного торгового судна в порту не нашлось, чтобы погрузить кожи. Иван к матросам:

— Выручайте, браточки, доставьте хотя бы до Архангельска.

Но браточки ударились в амбицию:

— Что мы тебе, дядя, извозчики! Мы же боевые матросы!

Пришлось Сорокину тогда маленько помитинговать. Рассказал он матросам, как трудно сейчас достаётся питерским

рабочим — слесарям, строителям, токарям и вот таким же, как он, сапожникам. Рассказал, как воюют они со всякой контрой и спекулянтами, как защищают родной город от казаков, юнкеров и прочих белогвардейцев.

— Рабочие тоже ведь могли сказать: наше дело стучать молотками да прибивать подмётки. Мы же рассудили иначе: революция требует — значит, надо!

И ещё сказал Сорокин:

— А важничать вам особо не пристало. Ваш-то тральщик раньше был обычной торговой посудиной и возил испанские апельсины. Это сейчас ему на палубу поставили пару пушек. И те мелкокалиберные. Знаю я: обнаружите мину — из берданок расстреливаете!

Уговорил матросов: загрузили они тральщик — аж осел он по самую ватерлинию.

Сегодня он должен был выйти с тральщиком в море. Держа в руке лёгкий саквояж, он шёл к пирсу.

— Пропуск! — опять громко повторил пожилой караульный.

Иван достал из кармана кожанки замусоленный пропуск.

— Не годится, — бесстрастно произнёс матрос.

— Вчера годился, а сегодня уже нет?

— Вчера было одно распоряжение, а сегодня — другое. — Караульный крепко держал винтовку наперевес.

— Это почему же сегодня другое?

Матрос не ответил, лишь кивнул в сторону моря.

Английские и французские военные корабли давно уже стояли на мурманском рейде. Но сегодня число их стало намного больше. К английским и французским крейсерам прибавился американский. Орудия кораблей были направлены на берег. Английский эсминец стоял у причала.

На берег высаживались солдаты.

«Союзнички» выступили, — смекнул Иван. — Интервенты занимают Мурман».

Что делать?

Мелькнула отчаянная мысль. В караулке их только двое. В порту в этот ранний час — тоже никого. Успеет он добежать до своего тральщика.

— Не шуми. Я свой.

Иван легонько отстранил винтовку и что есть силы рванул к причалу.

За спиной раздался выстрел, второй. Послышался топот. Навстречу ему выскочили английские солдаты.

Иван метнулся в сторону. Но споткнулся. Выронил саквояж и сам распластался на земле.

Тут же на него навалились двое, стали загибать руки назад.

Иван попытался подняться. Ему удалось стряхнуть того, кто навалился ему на спину. Но удар прикладом в плечо снова пригнул его к земле.

Ещё трое навалились на него. Схватили за руки. Иван отчаянно отбивался. При своём невысоком росте он был крепко сложен. Его гибкое тело позволяло ловчить и изворачиваться. И никак не могли с ним сладить. Пока один из солдат не ударил его прикладом по голове…

Обмякшее разом тело Ивана солдаты подхватили под мышки и поволокли…

Очнулся Иван от холода. Знобило. Мокрая одежда прилипла

к телу. Он лежал на каменном полу, обильно усыпанном рыбьей чешуёй. В темноте он различил длинные столы, пустые бочки, деревянные ступы с солью. Видно, раньше здесь находился рыбный разделочный цех.

Иван приподнялся. Острая боль пронзила плечо. Он застонал и невольно схватился за больное место. Нет, кажется, плечо цело… Он ощупал себя. Тело ныло от ударов и ушибов, губа кровоточила, глаз заплыл. Здорово ему вчера досталось!

Иван огляделся. Его саквояж исчез. Все карманы вывернуты, пусты. Лишь в тужурке он нащупал мягкий маленький предмет. Что это?

В темноте было не разглядеть. Но он сразу догадался: красный башмачок. При обыске, значит, на башмачок не обратили внимания, посчитали безделицей.

Только для Ивана красный башмачок был отнюдь не безделицей. Вспомнил Иван, как он ему достался…

Вспомнил себя молодым, лихим парнем. Он недавно устроился на «Скороход» и лишь начал осваивать профессию колодочника. Давалось ему это ремесло легко, и он быстро обгонял в умении старых сапожников. Вот только Полутовых — старого Герасима и его племянников Фёдора и Александра — обойти долго не удавалось. Поговаривали, что эти Полутовы владеют волшебным талисманом. Во всяком случае они были очень скрытными, никому своего умения не показывали. Сидели Полутовы у верстака своей семейной артелью, ни с кем не общались.

Им доставались самые выгодные заказы. И по заслугам. Старый Полутов если возьмётся, так у него колодочка получалась словно полированная.

Однако Иван им не завидовал. Считал, придёт ещё своё.

Однажды в тёплое летнее воскресенье встретил Иван в Румянцевском лесу братьев Полутовых.

Гуляли они после трудов праведных и сами же остановили его:

— Как дела? Что делаешь?

Иван с радостью заговорил с ними, потому что были они не одни, а с удивительно хорошенькой девушкой.

Ивану она понравилась с первого взгляда. Брови вразлёт, глаза с поволокой, носик аккуратный, ровненький, а улыбка белозубая — ну словно полон рот жемчуга. Казалось, природа расщедрилась и выдала ей зубов побольше, чем другим людям. По той улыбке Иван сразу признал в ней дочку старого Полутова. Никто другой так улыбаться не мог.

— Приятственно познакомиться, мил человек, — сказала

девушка, жеманно протягивая ему руку.

— И мне очень приятно, милая девушка.

— Меня зовут Настенька. А вас?

— Иваном.

Служила она горничной в богатом барском доме и редко могла прийти проведать отца и братьев.

В тот день ярко блистало солнышко. Полянки в лесу расцветились кружевными бликами. Вереск пряно дышал под ногами, и берёзовые ветви, подхваченные весёлым ветром, задорно кружились над головой. Звонко пели птицы.

И славно было на душе у Ивана.

Они долго бродили вчетвером по тропинкам, собирали цветы, сидели на траве.

Напоследок братья сказали Ивану:

— Взяли б тебя в свою артель, так как заметили твоё необыкновенное старание. Да жаль: чужак ты нам.

— Так можно определиться и в сродственники, — заметил Иван, лукаво подмигнув Настеньке.

Вскоре он и вправду послал сватов к папаше Герасиму.

Свадьбу играли на троицын день. Собрались друзья. Сапожники подарили молодым разные нужные в хозяйстве вещи.

А папаша Герасим достал из кармана жилетки крохотный красный башмачок, чем немало удивил гостей.

И сказал:

— Не думайте, что это просто игрушка-пустушка. Достался он мне от сапожника превосходного и от человека замечательного. И думается мне, что есть в этой вещице сила необыкновенная. А может, чего и путаю я… — Старый колодочник немного помолчал, а потом добавил: — Только вот… знаю. Есть у генералов ордена. Награждают сановников всякими лентами и знаками отличия. Это вроде им за примерную службу. Ну, а как нашего рабочего брата отличить, коли он в первейшие из всех

мастеров выбьется? Гривенник ему лишний заплатят?.. Дак ведь разве в единых деньгах счастье? Ты мне лучше почёт давай! Уважением награди! Я ещё боле буду стараться. Ан нет. Не придумали для сапожников сапожный орден.

Он откашлялся от такой непривычной ему длинной речи и, обращаясь к Ивану, сказал:

— Вижу я в тебе, Иван, сапожника толкового. Пущай тебе башмачок заместо ордена служит. Достоин ты!

Иван с той поры не расставался с башмачком…

— Ком ин! Выходи! — Резкий оклик оборвал Ивановы думы.

Проскрипел ржавый засов. В открытых дверях показались двое солдат. Ивана вывели на портовую площадь.

Над головой поднимался светлый полярный день. Водная гладь моря мягко серебрилась. На волнах, как всегда вперемешку, качались русские и иностранные суда. А на рейде, по-прежнему ощетинившись орудиями, замерли крейсеры.

Иван долго всматривался: всё хотел разглядеть свой тральщик у дальней причальной стенки. Однако ничего не смог увидеть. Неужели браточки так его и не дождались? Хорошо ещё, если успели до вступления интервентов уйти в открытое море. А может быть, их, бедолаг, уже разорудили?

Ивана под конвоем повели на английское сторожевое судно, пришвартовавшееся в порту прошедшей ночью. Он не ожидал, что встретит здесь столь представительное собрание: лейтенанты, помощник капитана, капитан, двое в штатском… В кают-компании на столике перед ними лежала пачка бумаг. Иван сразу определил: это были его документы.

Начался допрос. Офицеры спрашивали по- английски, переводчик переводил:

— Сколько угнал из порта кораблей?

— Куда вёз пшеницу?

— Где спрятал оружие?

Сорокин молчал.

Один офицер замахнулся на него стеком и, покраснев как рак, что-то громко прокричал по-английски. И сразу же заорал переводчик:

— Будешь отвечать или тебе мало вчерашней взбучки?

Иван повернулся к переводчику:

— А ты чего растявкался, прихвостень проклятый! Продался буржуям?

Переводчик, конечно, не стал переводить его слова.

Опять посыпались вопросы.

И опять Иван не отвечал.

Неожиданно заговорил по-русски сухопарый англичанин в пенсне. До сих пор он не принимал участия в допросе. Но Иван понял, что он тут главный.

— Я бывал в Петербурге, — сказал англичанин, сильно коверкая слова. — Это очень прекрасный город. Там много деловых людей. Мы тоже есть деловые люди. Будем говорить о бизнесе.

То, что он предложил, поразило Сорокина. Среди отобранных у Ивана бумаг был мандат, по которому Петроградский Совет доверил ему безгранично распоряжаться государственным имуществом и деньгами здесь, на Северном побережье. Сорокина назначили в Мурмане уполномоченным. И прямо указали в документе: «Всему, что Вы по сей доверенности законно учините. Совет Вам верит, спорить и прекословить не будет».

Вот англичанин и предложил:

— Мистер Сорокин, почему бы нам вместе не воспользоваться

этим мандатом. Будет большой выгода нам и вам.

Кровь ударила Ивану в лицо.

— Во-о, выкуси! — Он вывернул кукиш под самым носом англичанина.

Тот презрительно поморщился. Снял пенсне и бесстрастно протёр стёкла.

— Своими бы руками давил гадов, какие зарятся на народное добро! — не унимался сапожник. — А ты, сволочь, хошь, чтоб я сам ворюгой сделался. Не выйдет!?

Чем больше распалялся Иван, тем спокойнее становился англичанин. Казалось, Ивановы оскорбления его даже не задевали.

— Много вас, охотников, появилось на наше богатство! — Иван ещё кричал про кровопийцев-капиталистов, которые привыкли грабить простой люд, про бездельников, живущих за счёт чужого труда…

— Довольно, — остановил его англичанин, — Оставим политику, мистер Сорокин, поговорим об общем деле.

«Хитрюга, хочет мне задурить голову, — подумал Иван. — Посмотрим, чем будет меня подкупать».

Англичанин начал издалека:

— Мистер Сорокин, какой громадный дом вы имеете?

Иван на своё жильё не жаловался. В уютной маленькой квартирке они жили с женой Настенькой да с двумя сынишками — Витей и Мишей.

— А я имею предложить совсем отдельный коттедж, два этажа, сад, фонтан.

Сорокин пожал плечами.

— Какой свой бизнес имеете, мистер Сорокин?

Забот у Ивана было по самое горло. Вот и сюда он приехал исключительно по фабричным делам.

— Дел много, сложа руки не сижу.

— Но, но, — возразил англичанин. — Свой, совсем свой бизнес?

Сорокин не знал, что отвечать.

— Мы вам поможем открыть свою фабрику. Сначала маленькую, потом… — Англичанин широко развёл руками.

И снова чуть было Иван не вспылил: за кого его принимают! Но сдержался.

— Надо подумать, — схитрил он.

Англичанин с ним согласился:

— Бизнес любит подумать.

— Отведите меня в тюрьму, — сказал Иван.

— О, мистер Сорокин! Вы не есть узник. Вы есть гость

английской эскадры.

Иван очутился в чистой каюте с зелёными плюшевыми диванами. За ним даже не заперли дверь, не задраили стекло иллюминатора. Вроде бы хотели показать, что, мол, он свободен.

Но он нутром чувствовал, как зорко наблюдает за ним невидимый глаз. То ли это незаметно следит матрос, который методично прохаживается по палубе у его каюты. А может быть, тот, кто стоит на часах у орудия. Или вот эти двое, непринуждённо разговаривающие у трапа…

«Знаю, какой я вам гость! Без сожаления поставили бы меня к стенке, если бы не надеялись поживиться с моей помощью добром Советской Республики». Так думал Иван, внимательно разглядывая из иллюминатора гавань.

В порту царила неразбериха. Где русские суда, где иностранные, — не поймёшь. Как раз подходящий момент, чтобы попытаться удрать на тральщике, если посудина ещё здесь. Во время отлива, когда все корабли повернутся кормой к пирсу, тральщик практически окажется неуязвимым.

Медлить опасно. Иван понимал: церемониться с ним долго не будут, как увидят, что ничего не добились. Выдумали же такое: дом с фонтаном, своя фабрика… А получится ли из тебя капиталист, мистер Сорокин? И кто же работать на тебя будет? Твой же брат рабочий?..

…Ивану было только двадцать лет, когда он стал первым колодочником на фабрике. Ему везло. То ли вправду счастье приносил подаренный папашей Герасимом заветный красный башмачок, то ли просто имел он золотые руки да верный глаз.

Папаша Герасим не переставал удивляться:

— Через какие муки, битьё и розги шёл я к своим полированным колодочкам. А Иван разок взглядом кинет — и уж всё сумел. Даже завидно!

Отличился Иван, превзошёл самого папашу Герасима, когда на фабрике установили первые обувные машины. «Скороход» только громко назывался «Товарищество Санкт-Петербургского механического производства обуви». На самом же деле почти никакой механизации не было. Сапожники всё делали вручную. Молоток да шило, резак да клещи — вот и вся механизация, какая была у них в руках.

Но скоро хозяева поняли: выгоднее, чтобы сапожники работали на машинах, — больше сошьют сапог, больше принесут барышей.

Закупили хозяева машины для прибивания каблуков, выравнивания подошв, вырубания заготовок.

Появилась машина и в колодочном цехе. Долго стояла она в

бездействии вся вымазанная в масле. И никто к ней не подходил. Посмотрят сапожники на эту диковину, а управляться с ней никак не могут.

Механик-немец злился:

— Русский швин глюпый.

И тогда вызвался Иван:

— Уж не дурнее вашего брата. Осилим?..

Потребовал он от немца, чтобы тот показал, где какие рычаги нажимать, какие штурвалы и рукоятки крутить. Механик с неудовольствием рассказал кое-что. Но до сути дела Иван дошёл своим умом… Машина та оказалась очень нужная. Она выполняла самую неприятную работу — шлифовку.

Когда колодочник уже выточит колодку по форме ноги и зачистит её ножом, ещё остаётся много неровностей на поверхности. Если сразу по этой колодке шить башмак, он получится весь морщинистый, будто печёное яблоко. Вот и сглаживали колодочники стёклышками да наждаком эти неровности. Трут, драят часами деревянные колодки — только белёсая пыль поднимается облаком. Чихают от неё, сморкаются, слёзы рукавом вытирают.

А на шлифовальном станке всё это можно сделать за несколько минут да гораздо чище. Только научись управляться.

Иван быстро приноровился к машине и стал выручать товарищей. Они настрогают колодки, а он один все эти заготовки отшлифует. Даже механик-немец был доволен.

Положили Ивану значительно большее жалованье, чем у других колодочников. И казалось, всё могло бы сложиться в его

жизни хорошо: работал бы да работал, на пропитание и одежду хватало бы, стал на хорошем счету у начальства. Мог и сам бы выбиться в цеховое начальство. Скажем, поставили бы его старшим, а то и мастером… Так именно тогда и пришли к нему большие сомнения. Усомнился он в справедливости порядков, которые существовали на «Скороходе».

Хозяйничали на фабрике одни иностранцы. Рабочих они презирали. «Русский швин» было излюбленное словцо мастеров. То и дело раздавалось оно в цехах.

За каждую провинность — а чаще беспричинно — штрафовали. Опоздаешь на две-три минуты — берут штраф. Устроишь перекур — опять штраф. Громко чихнул — тоже плати штраф.

Припомнились Ивану всякие случаи.

Например, такой.

Был на фабрике сапожник Петя Скобарь. Он плохо зарабатывал и голодал. Как-то раз во время работы он упал в обморок.

Подошёл мастер, дал ему кусок хлеба.

— На, дурак, поешь, — вроде бы пожалел он. А потом оштрафовал за… нарушение порядка.

А то ещё было так. Похвалился сосед соседу:

— Посмотри, какие нарядные сапожки я сшил.

Услыхал мастер, заорал:

— Хотите поговорить — идите, швиньи, домой! — И в наказанье вычел с обоих жалованье за две недели.

Однажды такой случай произошёл в каблучном цехе.

Служил там одноглазый мастер. И всё ему казалось, что сапожники над ним посмеиваются. Как-то увидел он, что Мишка-каблучник, прищурив один глаз, осматривает только что прибитые каблуки.

— Ах ты, — говорит, — меня передразниваешь! Так получай за это штраф!

Мастер Вайнерт из отделочного отделения имел привычку носить при себе плётку и ею хлестал рабочих направо и налево…

Нет, не нравились все эти фабричные порядки Ивану.

Узнал он, что недовольных на «Скороходе» много. Только все осторожничали. Потому что хозяева всюду держали своих шпиков, которые подслушивали разговоры и доносили на рабочих.

И всё же случай свёл Ивана с одним толковым человеком, который дал ему несколько тоненьких печатных брошюрок. Сказал:

— Возьми, прочти.

Развернул Иван дома листочки. А там написано и про штрафы, и про незаконные вычеты, и про издевательства мастеров — всё правильно объяснено.

Потом в один из субботних дней тот же человек неожиданно пригласил его в баню.

— Захвати берёзовый веник. Славненько попаримся. Встретимся у трактира «Перепутье».

Шёл Иван помыться, а попал на собрание подпольного кружка. То, что он услыхал там, широко раскрыло ему глаза.

Собрания подпольщиков происходили в самых неожиданных местах: то на чердаке дома, то на лесопилке. Рабочие обсуждали, как совместно бороться за свои права, читали политическую литературу.

Сорокину поручили распространять листовки. Проверили предварительно, надёжный ли он человек. Дело требовало сноровки и умения. Надо было хорошо разбираться в обстановке, чтобы не подвести товарищей и себя.

Потом ему доверили задание посложнее.

Сапожники готовились провести маёвку. Постановили организовать всё заранее. Для этого решили встретиться в трактире на Лиговке. Явку должен был обеспечивать Иван.

У него приметная внешность. Светлые волосы зачёсаны назад. Глубокая складка пролегла между бровями. Глаза у него широко поставлены. Тонкие губы плотно сжаты в ниточку. А усы шпалочкой. Одевался Иван щеголевато: на костюм, на галстук не жалел своего повышенного жалованья. Мог сойти за учителя или за приказчика.

Он пришёл в трактир раньше намеченного срока, чтобы ознакомиться с обстановкой. Занял видное место. Сел и стал читать газету. Ему оставалось ждать, когда скажут пароль.

— Господин, ваш столик не занят? — должен спросить «свой».

— Будет занят, — положено было ответить Ивану и провести «своего человека» в отдельный кабинет.

Затея удалась. Собрание прошло благополучно. То, что говорилось в отдельном кабинете, не предназначалось для посторонних ушей.

Первого мая, как всегда заунывно, взвыл гудок на фабрике. Но сапожники не торопились на работу. Сегодня они избрали другой маршрут. Незаметно собрались они в чащобе Румянцевского леса. Пришли принаряженные и возбуждённые. Слушали ораторов, читали большевистские листовки, пели революционные песни.

Иван тоже выступил. Он говорил о том, что каждый сапожник не может быть сам по себе, что все рабочие должны отвечать друг за друга, помогать друг другу.

— Уж не знаю, как это назвать одним словом, — сказал он, — но так должно быть.

— Солидарность! — крикнул из толпы человек в студенческой тужурке. Он выхватил из-за пазухи алый стяг и принялся им размахивать над головой.

Все закричали: «Ура!»

Рабочим было интересно на маёвке. Но к вечеру прискакали жандармы с нагайками, открыли беспорядочную стрельбу. Срочно пришлось расходиться.

«А что было потом?» — вспоминал Иван, сидя сейчас на чужом плюшевом диване.

После той маёвки Иван взялся распространять прокламации, запрещённые книги и газеты. Он всегда действовал с крайней осторожностью. Подойдёт, поговорит о чём-то постороннем. А потом достанет незаметно из-под своего кожаного фартука несколько листков.

— На, — скажет, — на курево.

Знали товарищи, какое взрывчатое содержание было в этом «куреве»!

Скоро и начальство приметило подозрительную деятельность Ивана. Его имя попало в «чёрную книгу», где значились все смутьяны, выражающие недовольство фабричными порядками, будоражившие сапожный люд.

И вот после очередной стачки Сорокина вызвали в дирекцию.

— Жаль, хороший ты спец, — сказали ему. — И нужен ты фабрике. Но, голубчик, вон, за ворота!

А у ворот дожидались двое жандармов.

Его арестовали. Что-либо предпринимать было поздно… «Пусть берут, — подумал тогда Иван, — всё равно вырвусь».

Он ещё не представлял, как это удастся сделать. Но зрела в нём какая-то весёлая уверенность, что друзья выручат.

Его вывели через проходную и повели по Заставской улице к жандармскому участку. А вдоль улицы, как будто нарочно, столпились рабочие. Они кричали:

— Сволочи, за что арестовали!

— Иван, держись!

Жандармы молча ускорили шаг, крепче сжали Ивановы руки.

Но толпа рабочих густела. Когда прошли мимо мясной лавки, группа сапожников вплотную приблизилась к ним.

Остальное произошло в несколько секунд. Кто-то помог ему вырваться от жандармов. Иван отскочил вправо и скрылся в знакомой подворотне.

Несколько дней Иван отсиживался на чердаке. «Свои» приносили ему еду и новости. Они-то и сообщили Ивану, что состоялось решение властей: выслать Сорокина, как лицо вредное для государственного спокойствия, из Петербурга в отдалённую местность, под надзор полиции.

После этого долго оставаться на чердаке становилось опасным. Товарищи помогли Ивану перейти границу и скрыться в Финляндии. На родину он вернулся лишь в марте 1917 года, после свержения царской власти…

— Ком ин! Выходи! — снова позвали Ивана.

Пока он тут, в каюте, предавался воспоминаниям, время шло. А он никак ещё не мог найти выход из создавшегося трудного положения.

Наступил вечер. По небу побежали серые тучи. Но было светло как днём, весной в этих местах темно не бывает.

Проходя по палубе, Иван опять пристально оглядел рейд и опять не обнаружил свой тральщик.

Плохи дела. Как же выпутываться? Уж теперь наверняка от него потребуют окончательный ответ. Или — к стенке!

На сей раз его провели в строгую, обитую дубовыми панелями каюту, тоже с плюшевыми диванами, только золотисто-коричневого цвета.

— Сит даун, плиз, — пригласил его садиться сухопарый англичанин в пенсне.

Они остались одни.

— Имею предложить чашку чая. Вот сахар, вот молоко. — Англичанин придвинул Ивану изящную чашечку тонкого фарфора. — Мы, англичане, любим пить чай с молоком.

— Правда? — удивился Иван. А сам подумал: «За каким чёртом ты меня вызвал? Уж, наверное, не для того, чтобы я узнал английские обычаи».

Ясно: англичанин навязывал Ивану хитрую игру. И ничего не оставалось, как принять этот вызов.

Ароматный запах чая манил.

Ивану хотелось налить в блюдечко и причмокивать его вприкуску. Но он «по-благородному» взял чашечку двумя пальцами и оттопырил мизинец в сторону.

Итак, о чём пойдёт речь?

— Мистер Сорокин, я узнал кое-что о вашей коммерческой деятельности в Мурмане. Но вы не есть коммерсант. Вы есть сапожник.

— Да, — подтвердил Иван и сам подумал: «Наверное, всё уж пронюхал».

— Так почему вы занялись розыском товаров и машин?

— Это имущество моей фабрики. Я её хозяин.

— Хозяин? — поразился англичанин.

— Ну да. С тех пор как мы прогнали бывших хозяев, фабрики принадлежат нам, рабочим. Понятно?

— Да, да. Я читал об этом в газетах… Но почему именно вы приехали сюда?

— Товарищи доверили мне.

— Непонятно.

Как объяснить этому джентльмену, что он, простой сапожник, заслужил право выступать от лица всей фабрики? Может быть, рассказать ему, как, вернувшись из эмиграции, Иван вступил в большевистскую партию. Как выполнял он задание партии — распоряжаться всеми деньгами, собранными рабочими в свою больничную кассу. Когда кто заболевал, больному выплачивали пособие, и Иван скрупулёзно следил, чтобы ни единая рабочая копеечка не была потрачена не по назначению.

Может быть, рассказать англичанину, как поручили Ивану охранять фабрику от самих же хозяев. Многие из них пытались растащить, а то и просто уничтожить фабричное имущество. Понадобилось организовать красногвардейский отряд для охраны предприятия, и командиром выбрали опять-таки Ивана.

Не раз товарищи имели возможность убедиться в кристальной честности Сорокина. Вот почему ему доверяли.

— Вы надолго задумались, — сказал англичанин.

— Не знаю, как ответить.

— Поставим вопрос иначе: кто выдал вам, мистер Сорокин, эти мандаты? — Англичанин показал на Ивановы бумаги.

— Советская власть.

— Конкретно?

— Петроградский Совет, членом которого я являюсь, — с гордостью ответил Иван. «Пусть знает, с кем имеет дело!»

— О, о! — поразился англичанин. — Сапожник — и управляет государством?!

— Наша власть народная. Она сплошь состоит из рабочих, крестьян и солдат.

Иван не скрывал своих полномочий. Не было смысла скрывать, когда все его бумаги оказались в руках интервентов.

— Я имел честь знать одного старого хозяина фирмы «Скороход», — проговорил англичанин. — Он ездил в Германию, заказал обувные машины. Но не успел их вывезти.

— Мы их ещё получим!

— А как вы намерены распорядиться принадлежащими «Скороходу» капиталами, которые имеются в иностранных банках?

— Мы их вернём фабрике, — твёрдо ответил Иван. — Вернём на законных основаниях.

Теперь пришла очередь задуматься англичанину. Он отставил в сторону чай и молча ещё раз перелистывал документы. Видно, он прикидывал что-то в уме. Наконец он сказал:

— Мистер Сорокин, ещё раз хочу вам напомнить: вы сможете стать богатым человеком. Я вам гарантирую.

— А я не собираюсь класть народные деньги в собственный карман.

— Однако стоит ли отказываться?

— Бизнес любит подумать, — ответил Иван словами же англичанина.

Ну вот, закончился ещё один допрос. Допрос, подслащённый чаем. Иван вернулся в каюту с зелёными диванами. Серьёзное испытание выпало на его долю — испытание на совесть, на честность, на преданность товарищам и революционному долгу. На карту ставилась жизнь.

В иллюминатор было видно, как так же мерно прохаживался английский матрос, всё в той же застывшей позе стоял у орудия часовой, всё так же дежурили у трапа двое.

Теперь Иван точно знал: они зорко следят за ним, потому что он нужен англичанам живой и невредимый. Потому что без него, без Ивана, становятся пустыми бумажками те самые заманчивые мандаты, по которым можно законно распоряжаться всем движимым и недвижимым имуществом, отправлять суда, подписывать официальные бумаги и получать в банке деньги.

А Иван без доверенности — просто русский пленный, которого ничего не стоит расстрелять.

Доверенность без самого Ивана — пустая бумажка.

«И поэтому ты должен, должен уйти, — сказал сам себе Иван. — Не для того ты бил своих капиталистов, чтобы сделаться английским капиталистом. Должен удрать! Это только кажется, что удрать совсем невозможно».

Иван на всякий случай подошёл к иллюминатору. Попробовал — открывается. Посмотрел — до стенки причала не так уж далеко.

…Когда утром в каюту с плюшевыми диванами вошли офицеры, они застали её пустой. «Мистера Сорокина» нигде не было.

«Сочинитель» туфелек

Дмитрия вызвал из деревни старший брат Иван. Прислал ему письмо:

«Дорогой Митюша! Приезжай в Ленинград. Дела у нас разворачиваются невиданные. Перестраиваем фабрику в обувной гигант. Собираемся обувать миллионы людей в самые красивые башмаки. Но пока шьём одни «парусинки». Нужны нам молодые мастера — те, которые бы взялись делать обувку поинтересней.

Надо бы продолжить нашу семейную сапожную династию. Полутовых тут уже собралось немало. Вслед за Герасимовыми племянниками — Фёдором и Александром — пошли в сапожники их сыновья: Григорий, Вениамин и Георгий. А мы с нашей сорокинской стороны будем преумножать обувных мастеров. Согласен?

Ждём тебя. Жить будешь с нами — места хватит.

Кланяется тебе твой брат Иван».

Дмитрий не раздумывая приехал.

Начал он, как и все его родственники — Полутовы и Сорокины, — с самого простого. Его определили в каблучный цех, обучили несложной работе — прибивать на машине каблуки. Подставляй в неё ботинок да нажимай ногой педаль. Вот и вся премудрость!

И уж, казалось бы, от самого рабочего тут ничего не зависит. Но Дмитрий сумел так приноровиться, что прикреплял каблучки ровнёхонько, чисто: любо-дорого смотреть. Да ещё придумал стёсывать их. Отчего те же ботинки приобрели лёгкий и изящный вид.

Потом Дмитрия перевели в сандальный цех. Тут он тоже предложил, как лучше работать: подсказал принарядить скучные коричневые сандалии светлыми рантами и на носочках пробить фигурные отверстия.

Самые обычные детские ботинки, в которых играют в футбол и гоняют в лапту, и те сумел украсить: всего лишь одна узорчатая строчка на сгибе и две такие же строчки вдоль шнуровки преобразили ботиночки.

Вот их-то и увидела однажды швея из цеха детской обуви, которую все называли товарищ Вера.

— Кто сочинил такие замечательные украшения? —

удивилась она. — Совсем просто, а как нарядно!

Дмитрия похвала ну прямо-таки окрылила. Дело в том, что он уж давно приглядывался к этой удивительной девушке. Весёлая, задорная. Вокруг неё всегда вились парни. Но она никого не выделяла. Со всеми была приветлива, всем одинаково приятно улыбалась.

Вера носила свободную полосатую блузу, синюю юбку и голубую косынку, из-под которой выбивались непокорные пряди волос.

У неё были стройные длинные ноги. Но обувалась она в грубые «парусинки» на резиновом ходу. И было обидно смотреть: такие красивые ножки были достойны более нарядных туфель.

Вера слыла на фабрике активисткой. Всё, чем жила тогда молодёжь, кровно её касалось.

Прибежала она как-то в цех и объявила:

— Товарищи, принято решение строить наш фабричный Дом культуры. Кто добровольцы, записывайтесь!

Дмитрий конечно первым изъявил желание.

— А сама-то пойдёшь?

Вера возмутилась:

— Как же без меня!

Дмитрию очень хотелось понравиться ей. А как это сделать, если был он по натуре человек застенчивый. Вот он и старался умением обратить на себя внимание.

После смены молодёжь отправилась на стройку. Преобразились в каменщиков и грузчиков. Опытные строители показали простейшие приёмы работы. Дело пошло на лад.

А Дмитрий показал себя отличным плотником. Припомнил, как в деревне помогал ставить избы, как играючи орудовал топором и рубанком.

Вера увидела, сказала:

— Красиво работаешь.

От радости у Дмитрия румянцем полыхнуло лицо.

Спустя время товарищ Вера пришла с новым сообщением:

— Объявляется поход за высокое качество обуви!

Каждый должен был показать, чего он может достичь на своём рабочем месте, если будет трудиться без брака.

Дмитрий взял на себя обязательство выпускать ботинки

только первого сорта. А когда случалось какую-то пару подпортить, он оставался после смены, чтобы исправить недоделки.

Жизнь била ключом, и фабричная молодёжь нигде не хотела отставать.

Благоустраивали свою Московскую заставу, собирали деньги на постройку дирижабля, ездили в подшефный колхоз убирать урожай, перестраивали устаревшие цеха. И не было преград мечтам и дерзновенным планам. Всё по плечу! Всё осуществимо!

Дмитрию стали интересны эти дела. И стало как-то радостно жить этой бурной звонкой жизнью ещё и потому, что рядом была товарищ Вера.

Всё он делал с заинтересованным старанием и хорошим вкусом. Дмитрий завёл себе альбом, в котором рисовал обувь такой, какой бы ему хотелось её видеть. Он не уставал фантазировать.

Сапожники поражались:

— Удивительно, откуда у деревенского парня столько выдумки!

Сорокинские рисунки поражали и восхищали. Вот только не мог Дмитрий рассказать, как такие фасоны выполнить. Одно дело нарисовать, совсем другое — выкроить заготовку, выточить колодку, сшить да затянуть башмак. Тут нужно знать доподлинно обувное мастерство — так, как его знали Полутовы и Сорокины.

И снова помог дельным советом старший брат Иван:

— В нашей родне умельцев хватает — в случае чего, всегда поможем. А вот художник ты у нас объявился один. Не следует тебе зарывать свой талант.

Как раз в это время на «Скороходе» организовывали группу модельеров. В неё включили самых способных сапожников. И среди них — Дмитрия Сорокина.

Будущим модельерам предстояло «сочинять» новую красивую обувь. На фабрике решили так: башмаки с маркой «Скороход» должны стать эталоном изящества, удобства и добротности.

Но нельзя создавать новые красивые вещи, не зная, какими они были раньше. Надо хорошо научиться лепить, рисовать, разбираться в красках. Поэтому модельеров сначала послали учиться в Академию художеств. В то время многие ленинградские рабочие приходили к художникам брать уроки, чтобы научиться работать красиво. Впервые сапожники переступали порог академического класса рисования. Чувствовали они себя немножечко неуверенно.

Не одно поколение знаменитых художников занималось в этих стенах. Вот за тем мольбертом сиживал когда-то Репин. А

рядом было излюбленное место Сурикова. Тут пробовал свой карандаш Брюллов. Высокие сводчатые окна были распахнуты настежь, и свежий ветерок с набережной шелестел в белых ватманских листах рисовальщиков. За окном плескалась сине-серая Нева. И загадочные сфинксы сторожили её волны у гранитных парапетов.

В класс вошёл учитель рисования, — маленький толстенький старичок в широкой тёмной куртке.

— Здравствуйте, художники! — приветствовал он. — Да, да, именно так вас следует именовать. Потому что тот, кто будет

придумывать новую обувь, обязательно должен стать настоящим художником. Моделирование — искусство весьма почётное и очень древнее.

Учитель достал из шкафа несколько разноцветных коробок. Вынул из одной какие-то разрисованные коротенькие лыжи и начал рассказывать.

— Было время, когда люди не знали про обувь. Носить её впервые стали примерно три тысячи лет назад. В Древнем Египте сначала даже жена фараона ходила босой. Только фараон да самые близкие его сановники носили сандалии. Обувь для них изготавливали из коры, волокон пальмы и папируса. Видите, она больше напоминала лыжи, чем настоящие сандалии. Каждую туфлю богато разрисовывали золотыми и серебряными узорами. А на подошвы по настоянию фараона наносили изображения его заклятых врагов, — чтобы при ходьбе таким способом их можно было унижать. Судя по всему, это и была самая первая обувь на земле.

Дмитрий обратил внимание на изящный изгиб фараоновых туфель и быстро зарисовал их в свой альбом: авось пригодится когда-нибудь в новой модели.

— Долгое время и древние греки ходили босыми. Они первыми сообразили, что для левой и правой ноги обувь должна быть разной. Они стали шить себе туфли вроде кожаных чулок. А древнегреческие актёры впервые придумали сандалии на высокой подошве: им хотелось казаться со сцены выше.

Учитель раскрыл следующую коробку.

— В Древнем Риме по сапогам и сандалиям судили о положении и знатности человека. Обувь римского патриция обычно была из красной кожи с чёрными ремнями и серебряными пряжками. Сенаторов узнавали по чёрным сандалиям. Знатные римлянки обували на ноги специальные перчатки, которые натягивали на каждый палец.

Дмитрий быстренько нарисовал Веру с перчатками на ногах. За соседним мольбертом увидел рисунок Яша Байер и рассмеялся.

— Я вам сейчас покажу ещё более смешную обувь, — сказал учитель. — Примерно в тринадцатом веке в Западной Европе появились так называемые пулены — сапожки с длинными носками. Причём длина носка определялась в зависимости от родовитости хозяина — от размера одной ступни до двух с половиной.

— Как же они ходили в таких уродинах? — удивился Яша.

— Конечно, длинные носы мешали, и их привязывали на шнурках к голени. Некоторые франты додумались украшать

носки сапожков колокольчиками и зеркальцами и на ходу могли любоваться собой, извещать звоном о своём приближении.

Ещё одну диковинку увидели сапожники.

— Венецианские красавицы придумали себе туфли на высоких деревянных ходулях — «цокколи». Передвигаться в них без посторонней помощи было невозможно. Но оправдывалась такая мода невероятной грязью на улицах тогдашних городов.

Дмитрий снова попробовал изобразить Веру — теперь уже в цокколях. Опять получилось смешно. Никак те фасоны не подходили для современной девушки.

Но вот учитель рисования вытащил из очередной коробки нарядные атласные туфельки с кружевами и пряжками из драгоценных камней.

— У французского короля Людовика Пятнадцатого была фаворитка, — продолжал рассказывать учитель. — Звали её мадам Помпадур. Она вмешивалась в государственные дела и на всех хотела смотреть свысока. Но этого не позволял ей маленький рост. И чтобы как-то удовлетворить своё тщеславие, она изобрела высокие каблуки.

— Мы и сейчас их называем французскими, — вставил Сорокин.

— Правильно. С тех пор женщины не устают ходить на каблуках. А это делает их более подтянутыми и стройными.

— Как же отнеслись к каблукам французские мужчины? — спросил Яша.

— У-у! Эти щёголи никак не хотели отставать от женщин. Они сразу же поспешили завести себе сапоги на каблуках, да ещё с широченными голенищами. Принаряживали их лентами, бантами, гигантскими шпорами. В этой неуклюжей обуви легче было ездить верхом, чем ходить пешком.

— Господа выдумывали, а простым сапожникам над каждой парой, наверное, подолгу приходилось ломать голову, — высказал своё мнение Вениамин Антонов.

— Да. Лишь только в двадцатом веке в Англии началось фабричное изготовление обуви. Тогда уже научились скреплять подошвы гвоздями, а для каблуков придумали подковки. Появились высокие дамские ботинки на шнурках и пуговках. Зимой мужчины надевали для теплоты гамаши. Там же, в Англии, выпустили первые галоши из резины.

Всё, что говорил учитель рисования, Дмитрий в рисунках тут же пытался приспособить на Верины ножки. Он искал лучший фасон.

Меж тем учитель продолжал рассказывать.

— Начинается нынешний век, и появляется такое разнообразие обуви, словно люди только тем и занимались, что придумывали новые модели. Женские туфли с тонким каблуком «шпилькой», прюнелевые лодочки с вышивкой, баретки из змеиной кожи, полуботинки из кожи крокодила… Обувная мода металась, капризничала, «становилась на голову». Но сегодняшняя наша бурная жизнь потребовала уже новых образцов. Скажем, не можем мы ходить на цокколях или ездить в трамвае в пуленах. Придётся придумать что-то попроще, поудобнее и покрасивее. «Скороход» вам доверил эту почётную задачу. Вас для этого учат.

Уроки в Академии не прошли даром. Будущие «сочинители обуви» многому научились и скоро смогли взяться за создание своих моделей.

На фабрике собирали новый конвейер. Решили шить на нём совсем новые фасоны. Придумать их поручили молодым модельерам.

Собрал Дмитрий свои зарисовки — те, которые делал вначале самостоятельно, и те, которые у него сохранились с занятий в Академии художеств. Мечтал сочинить туфельки специально для стройных Вериных ножек. Ему казалось, что тогда Вера его полюбит непременно.

Какими эти туфли будут?

На высоком каблуке, спереди открытые — чтобы лучше был виден изящный подъём ступни. Наверное, уместно перетянуть лодыжку тоненькими ремешками на манер римских сандалий.

Для туфель подойдёт мягкое шевро светло-синего цвета. Или лучше скомбинировать: носок и пятка тёмные, остальное — голубоватого оттенка.

Дмитрий так был уверен в успехе, что не удержался и похвалился Вере:

— Мы такое придумали! Что там Золушкин хрустальный башмачок!

— Замечательно! — обрадовалась Вера. — Девушкам так не хватает сейчас сказочных туфелек!

И она с сожалением посмотрела на свои «парусинки» на резиновом ходу.

Модель пустили в пошив. Места у конвейера заняли обувщики. Девушкам поручили более лёгкие операции, а юноши работали там, где требовалось применить силу.

Туфельки собирали по частям сразу сто человек. И никто друг другу не мешал.

Сначала модельеры-колодочники подготовили для конвейера колодки. Закройщики на прессах раскроили детали будущих туфелек, подготовили стельки и подошвы.

Заготовки укладывали на длинную движущуюся ленту транспортёра. По сторонам ленты — уже наготове рабочие. Около них поставлены машины. Берёт швейница с конвейера нужные ей части заготовки, склеивает или сшивает их на машине. Сделала свою часть работы — кладёт заготовку обратно на конвейер. А дальше её снимает с ленты следующий рабочий. Каждый делает только одну небольшую часть работы. И каждый обязательно оставляет на туфельке теплоту своих рук.

Уже положена на колодку стелька, сшит верх, прикреплена подошва. Готовая пара вот-вот доберётся до края конвейера…

Но почему нахмурил брови контролёр? Вместо нарядных изящных туфелек он держал в руках грубо состряпанную пару. В чём же дело?

Все старались как лучше. Но туфли вышли такие, что Золушка постеснялась бы их обуть на бал к принцу. Разве только в мачехином доме у плиты в них возиться…

Девушки на конвейере сморщили носы. Не такими они представляли новые туфли.

Модельерам тоже стало не по себе. Дмитрий чуть не расплакался от обиды. Он не мог смотреть Вере в глаза. А ещё хвастался!

В конце смены он постарался незамеченным уйти домой.

Но Вера — не зря она была активисткой — после работы собрала молодёжь:

— Давайте разберёмся, товарищи!

Стали детально рассматривать каждую пару.

— Кто здесь криво пришил заготовку?

— Кто торопился и клеем измазал ремешки?

— Кто пропустил и не вбил тут гвоздики? Вроде бы мелочь, на следующей операции подправят, а видишь — испортили модель.

— Нельзя так, — сказала в заключение Вера. — Хоть и работаем коллективно, но отвечать должен каждый за своё.

Обувщики высказали тоже свои претензии:

— Сколько раз конвейер заедало и лента останавливалась?

— Почему одни машины простаивали, а у других скапливались заготовки?

— Ну разве это дело, что вместо голубоватой кожи доставили товар сизого цвета? Откуда прибыла эта партия кож?

Выяснилось, что из Богородска и из Вятки.

— Придётся кожевенникам высказать своё неудовольствие, — резюмировала Вера.

Скороходовцы написали письма и в Богородск и в Вятку. Пусть тамошние комсомольцы узнают, что про них думают на «Скороходе», — чтобы больше не подводили ленинградцев.

О происшествии на конвейере узнал Иван Сорокин. В тот же вечер он вызвал младшего брата на откровенный разговор.

— Спору нет, Митюша, и на конвейер вина ложится и на товар. Но ты сперва с себя со всей строгостью спроси: а нет ли там части твоей личной вины?

Иван достал из комода резную деревянную шкатулку и вынул из неё маленький красный башмачок.

— Смотри: смастерил его в тюрьме талантливый самоучка. Не то что машин, ничегошеньки у него под руками не было. Но до сих пор не можем разгадать, как он такую красоту сработал. Попробуй — может, ты разгадаешь.

Иван уезжал из Ленинграда. Его, лучшего в стране мастера-колодочника, направили в город Ржев строить новую обувную фабрику. Дмитрию же он оставлял наказ: не ронять чести семейной традиции.

Много раз потом Дмитрий разглядывал красный башмачок, любовался им. Какие необыкновенные точёные формы! Носочек чуть вздёрнут. Каблучок слоится тёмными и светлыми кожами. По подошве пущен рант, пришитый мудрёной витой строчкой. Невысокое голенище и перёд украшены затейливыми узорами…

И родилась у Дмитрия мысль: повторить бы такой.

А почему и нет! Может быть, он не совсем сделает так, как выполнил когда-то Харитон. Нынче придётся приноровиться к сегодняшней моде. Но пожалуй, такие башмачки и теперь обрадуют детвору. Дмитрий представил себе ребятишек скороходовского детского сада, топающих в красных башмачках. Вот будет радости!

На фабрике поддержали новую модель Сорокина. Пошили партию красных башмачков. Самые придирчивые контролёры — детсадовцы — приняли новинку с восторгом.

Следующий фасон Дмитрий опять придумал для детей, только возрастом постарше. Это были светленькие на пуговках туфельки для пионерок. Никаких финтифлюшек и выкрутасов он не предлагал. Зато великолепно угадывал живые формы ноги, сумел выявить прелести самой кожи, проявил поистине художественный вкус. В общем, в простоте нашёл прекрасное.

Потом Дмитрий сочинил детские сапожки. Потом ещё и ещё… Понял он, что ребятам нравится. И детская обувь у него получалась замечательной. Его назвали лучшим детским модельером.

Только вот те нарядные туфельки для девушек, которые он собирался посвятить Вере, никак у него не получались, — как будто были они заколдованные!

Другие скороходовские модельеры тоже придумали несколько красивых фасонов женских туфель. Фабрика выпустила новые модели. И их с удовольствием носили девушки.

Вера тоже сменила свои «парусинки» на лёгкие лодочки. Она надевала их, когда они с Дмитрием ходили гулять. Так уж случилось, что она тоже полюбила его. И вовсе не из-за туфелек!

Но Дмитрий от своей мечты — придумать туфельки для Веры — не отказался.

Однажды в летнее воскресенье они отправились на Кировские острова. День выдался ясный, тёплый. В парке гуляло много народу. Дмитрий с Верой покатались на качелях, заглянули в «царство кривых зеркал», посидели в кафе-мороженом. Было им необыкновенно весело.

И вдруг кто-то громко произнёс страшное слово: «Война!» Остановились качели, смолк смех. Отдыхающие заторопились к выходу.

Вера потянула Дмитрия к уличному репродуктору. Молча, с суровыми лицами слушали люди правительственное сообщение. «Внезапное нападение… Варварские полчища топчут нашу землю… Самолёты бомбили города…»

— Наш долг — защищать Родину! — заявила Вера.

Они решили тут же отправиться в военкомат. Таких, как они, добровольцев уже в первые часы после объявления войны оказалось немало. Юношей записывали сразу. Выдавали повестки, куда и когда явиться на призывной пункт. А девушкам сказали, что будут собирать отряды сандружинниц. Несколько дней придётся подождать.

Через неделю в новой защитной гимнастёрке Дмитрий явился на фабрику попрощаться. Тут на него неожиданно обрушился с руганью начальник цеха:

— Почему с нами не согласовал?.. Значит, ты патриот, а мы тут — нет!.. Так знай: наша фабрика теперь — оборонное предприятие и будет выпускать стратегическую продукцию!

— Это сапоги-то? — усмехнулся Дмитрий. И накликал на себя ещё больший гнев.

— Да что такое солдат без сапог?! На войне сапоги важны не меньше, чем пушки!

Начальник привёл исторические примеры, когда разутые армии терпели поражения, говорил о назначении ценных специалистов в тылу, о том, что они помогают ковать победу своим оружием.

— В общем, так: отзывать тебя будем. Для общего дела сейчас ты важнее здесь, на фабрике. И не возражай!

Всего три дня пробыл Дмитрий Сорокин в армии, и его демобилизовали «до особого распоряжения».

В те дни на «Скороходе» шло срочное переоборудование цехов: мирные полуботинки и туфли заменяли изготовлением солдатских сапог и ботинок. Прямо с конвейеров обувь передавали в воинские части. А на одном участке установили старинные липки. Как и много лет назад, сапожники тут чинили обувь: подбивали сбитые каблуки, ставили новые подмётки на солдатские сапоги.

Дмитрия направили налаживать выпуск новых армейских моделей. По нескольку суток он не уходил домой, настраивал станки, обучал сапожным профессиям работниц, чьи мужья и братья ушли на фронт. Теперь женщины заменяли мужчин у станков. И только лишь когда была подготовлена достойная смена, Сорокина вместе с другими специалистами взяли в армию.

Но теперь фронт оказался совсем рядом. Замкнулось вражеское кольцо вокруг Ленинграда. Город оказался в блокаде.

Бои шли в нескольких километрах от фабрики. И на передовую — на Пулковские высоты — Сорокин добрался на попутном трамвае.

Все подступы к высотам со стороны города были перекопаны глубокими траншеями и рвами. Вершину оцепили железобетонные доты.

Не раз враги предпринимали яростные атаки на Пулково, пытались найти слабые места в нашей обороне. Они захватили город Пушкин, стремясь обойти Пулковские высоты с востока. Фашисты ворвались в Лигово и сделали попытку подойти к Ленинграду с запада. Однако гитлеровцы не смогли сломить сопротивление героических пулковских оборонцев.

Отряд, в который попал Дмитрий, удерживал под своим контролем обширные рубежи и не пропускал фашистов к городу.

Неоднократно вражеские танки и пехота бросались в атаки. Но натыкались на убийственный огонь осаждённых. Жаркие бои шли и под проливным дождём, и студёной осенью, и тогда, когда пришла лютая голодная зима.

Как-то раз командир послал лейтенанта Сорокина с донесением в осаждённый город.

— Справитесь с заданием — разрешаю увольнение до

двадцати ноль-ноль.

Дмитрий несказанно обрадовался. С самого дня мобилизации он не был дома, ни разу не видел Веру.

В городе его застала очередная бомбёжка и сильный артиллерийский обстрел. И он на себе почувствовал, что это не менее страшно, чем там, на фронте. А каково было безоружным мирным жителям?

Он с трудом пробирался по улицам сквозь кромешный грохочущий ад. С бьющимся сердцем подошёл к родной Заставской. Пустынно. Всюду завалы снега, обломки разрушенных зданий.

Сначала он побежал к своим. Но в квартире никого не застал.

Дмитрий решил захватить с собой меховые рукавицы, подаренные ему когда-то Иваном. Открыл комод, начал шарить в ящиках и невольно наткнулся на резную старинную шкатулку.

Дмитрий вынул оттуда красный башмачок.

И вдруг какое-то необыкновенное чувство охватило его. В этой пустой выстуженной квартире ему на минуту представилась

совсем другая, мирная картина.

Бескрайнее голубое небо и душистое хлебное поле. Волнами колышутся пушистые спелые колосья. На меже стоит Вера, и ветер радостно полощет её непокорные кудри. А на ней — золотистые туфельки, искрящиеся под лучами солнца.

Дмитрий очнулся. Отыскал карандаш и листок из школьной тетрадки. Тут же зарисовал чудесное видение. Оно пришло к нему неожиданно, когда все чувства были напряжены до предела.

Не задерживаясь более, он отправился к Вере. Ему захотелось немедленно её увидеть… Только он не застал её дома.

— На дежурстве она. Где-то на Лиговке, — сказала мать и расплакалась. — Там, говорят, разорвалась тяжёлая бомба. Как бы с Верочкой чего не случилось…

У Дмитрия появилось дурное предчувствие. Он бросился на поиски. Долго не мог ничего узнать. Пока одна сандружинница не подсказала ему отправиться в ближайший госпиталь.

— Обрушился дом, и завалило в подвале людей. Их только что откопали. Но есть жертвы…

Дмитрию не хотелось думать, что среди пострадавших окажется Вера. Однако это было так.

Он увидел её на больничной койке. Лицо у неё было белее простыни, глаза закрыты.?

— Вера, это я. Ты слышишь?

Чуть-чуть приподнялись веки, и она посмотрела на Дмитрия отсутствующим взглядом.

— Ты меня не узнаёшь? Тебе больно?

В это время чей-то горячий шёпот раздался за его плечом:

— Не говорите с ней о боли.

— Что случилось, Вера? — спросил Дмитрий.

Шёпот из-за плеча пояснил:

— Люди оказались заваленными в подвале и начали задыхаться. Она хотела сделать щель в завале. Упёрлась ногами, потянула на себя камень. А камень покатился на неё и придавил ноги.

Как же ей вернуть сознание? Дмитрия душили слёзы.

— Вера, Вера, очнись. Я с тобой. И знаешь, я сочинил для тебя лучшие на свете туфельки!..

И опять вмешался зловещий шёпот:

— Теперь Вере больше не понадобятся туфли — у неё нет ног!

Жгучая, страшная боль пронизала сердце Дмитрия. Он чуть не закричал от отчаяния. Этого не может быть! Этого не должно быть!

Кто-то крепко сдавил его плечо:

— Товарищ лейтенант, вам пора уходить.

…В ту же ночь враги предприняли массированную атаку на Пулковские высоты. Танки со всех сторон карабкались на подступы. Прикрываясь за ними, наступали фашисты. Всё вокруг сжигал миномётный огонь. Взвод лейтенанта Сорокина стойко держал оборону. И когда уже фашисты стали откатываться назад, вражеская пуля сразила Дмитрия в самое сердце.

А на другое утро в госпитале умерла Вера.

Майор в отставке

В модельную лабораторию позвонила Людмила Константиновна, заведующая фабричным музеем.

— Позовите, пожалуйста, Сорокина.

Трубку взял Виктор Иванович.

— Пришли к нам ребята, восьмиклассники. Вот выбирают будущую профессию. Очень прошу вас поговорить с ними о сапожном деле.

— Так ведь вы лучше меня расскажете, Людмила Константиновна, — пытался отказаться Сорокин.

— Нет, тут важно, чтобы говорил настоящий мастер… Виктор Иванович пришёл в музей. Он был в скромном тёмном халате. Прямые чёрные волосы гладко зачёсаны набок. Чисто выбритый, подтянутый.

Восьмиклассники отрешённо стояли в вестибюле и, казалось, не испытывали большого интереса к предстоящей экскурсии.

О чём им рассказать? Что им показать?

Вот старинные документы из истории «Скорохода». Вот настоящий сапожный верстак и липка — за таким работал в свою пору дед Виктора Ивановича — Герасим. Вот портреты революционеров: среди них увеличенная фотография его отца — Ивана Сорокина. Вот оружие, с которым скороходовцы сражались во время Великой Отечественной войны…

Ребята слушают не очень внимательно — как на скучном уроке в классе. И вроде бы ничто их не трогает.

Странно. Никто из этих подростков не ходит босой. На всех добротные модные ботинки и туфли. Но почему же такое равнодушие к тем, кто их обувает?

А вот витрина с сапожными сувенирами. У неё восьмиклассники немного оживились. Они с любопытством стали разглядывать миниатюрные, словно игрушечные туфельки на высоких каблуках, сапожки, кеды, лыжные ботинки. Не только в сорокинской семье, сапожники всегда любили делать такие обувки. Причём шили их по всем правилам — будто бы настоящие. Вот, мол, какой я мастер!

«Может быть, рассказать школьникам про красный башмачок», — мелькнула вдруг мысль у Сорокина. Но он тут же отказался от этой идеи: пусть не подумают ребята, что он хвалится своей сапожной династией. На «Скороходе» ведь и других таких семей немало. И он начал говорить о другом:

— А знаете, ребята, сколько каждый человек снашивает за свою жизнь обуви?

Но восьмиклассников и этот вопрос не заинтересовал.

— Это мы не проходили, это нам не задавали, — услыхал Виктор Иванович опять-таки равнодушный ответ.

И ему стало досадно.

— Кем же вы мечтаете стать? — спросил он.

— Космонавтом, — ответил один.

— Путешественником, — ответил другой.

— Капитаном океанского корабля, — ответил третий.

— Но почему же не сапожниками? — поинтересовался Виктор Иванович.

— Не увлекательно.

— А почему? Ведь сапожная профессия так необходима людям, — допытывался Сорокин.

Ребята не ответили.

Жаль, что они этого не понимают. Как не понимал по молодости лет и он, Виктор Сорокин.

…Когда он заканчивал школу, отец однажды завёл разговор:

— Ну вот, мать, подрос мой сменщик. Он и продолжит семейную традицию.

Однако Виктор категорически отказался идти в сапожники.

И всё из-за одного нелепого случая. Зашёл он однажды в кинотеатр. Показывали смешную комедию «Волга-Волга». Виктор смотрел с неослабевающим вниманием. И вдруг в самый напряжённый момент лента оборвалась. В зале сделалось темно, умолкла музыка.

Минуту-другую стояла выжидающая тишина. Потом в зале раздался яростный топот ног, свистки и крики.

— Са-пож-ни-ки! — орали обиженные зрители.

Виктор встрепенулся. Его больно задели эти выкрики. Значит, человека, который плохо сработал, напортачил, сравнивают не с кем иным, как с сапожником! Неужели они самые никчёмные, дрянные работники?

Рассказал Виктор отцу про случай в кино.

— Куда меня толкаешь? Что это за профессия, что ею как последним ругательством бранятся!

А отец в ответ:

— Плохих профессий не бывает. Бывают плохие работники. Где их больше — в слесарном, токарном или сапожном деле, — трудно сказать. Просто трудом сапожника пользуется каждый, и каждый может нас судить. Поэтому и спрос с нас особый. — И ещё добавил: — Кстати, теперь нас чаще называют обувщиками, потому что мы расстались с привычным сапожным инструментом. Больше управляемся на машинах. Пойдём на фабрику — посмотришь.

— Нет, нет и ещё раз нет. Не хочу этим ремеслом заниматься. Ни романтики в нём, ни риска. Да и вообще: что это за профессия, если про неё даже песен не сложено.

Виктор как раз слушал репродуктор. А оттуда громко звучало:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор.

— К тому же нельзя, чтоб на «Скороходе» работали одни Полутовы и Сорокины, — добавил он, намекая на то, что уже двенадцать представителей этой династии были сапожниками.

Отец не стал настаивать. Спустя месяц Виктор по комсомольской путёвке попал в авиационное училище.

Тогда все увлекались авиацией. Мальчишек соблазняли голубые петлицы с золотыми птичками, длинная шинель до пят, придающая стройность фигуре, и сумка-планшетка, которая легонько постукивала при ходьбе по ногам. Шик!

У ворот училища всегда дежурили малолетние мечтатели. И как только отряд курсантов выходил на улицу, они выстраивались впереди и, энергично махая руками, маршировали в ногу с будущими лётчиками.

Лётная профессия покоряла и детей и взрослых. Ведь так прекрасно сравняться с быстрокрылыми птицами и парить над землёй!

Виктор не жалел, что пошёл в лётчики. Только вот порой испытывал он нечто вроде какого-то неудобства за то, что изменил семейной профессии…

Он успешно закончил училище и получил звание техника авиационного вооружения. Вскоре ему самому доверили учить юных курсантов.

Но грянула война. И учебные полёты пришлось сменить на боевые. Сорокин попал в полк ночных бомбардировщиков. Их отправили защищать Москву. Потом он был назначен инженером в авиационную дивизию, где осваивали новые самолёты Ил-2. Они отлично показали себя в Сталинградской битве. На фашистов Илы наводили страх и панику.

За участие в сражении на Волге Сорокину сам всесоюзный староста Калинин вручил орден и сфотографировался с ним вместе на память.

После боёв под Сталинградом полк Сорокина был включён в первую гвардейскую авиационную дивизию. Теперь перед

лётчиками поставили задачу — вместе с сухопутными и морскими войсками освободить Крым. Опять начались яростные воздушные сражения, ночные бомбардировки и пикирующие полёты. Лётчики принимали участие в осаде Мелитополя, в прорыве обороны на Перекопе, в битвах за Симферополь, Бахчисарай и Севастополь. И только прогнав всех фашистов с крымской земли, они полетели в сторону Белоруссии. Их путь лежал на запад: Витебск, Орша, Борисов, Минск, Гродно. Пока не оказались в Пруссии.

В последних боевых операциях Виктор Сорокин участвовал при взятии Кёнигсберга.

И вот пришёл долгожданный мир. Лётчики в честь победы сделали головокружительные виражи над городом. Боевая карьера Виктора Ивановича завершилась. Он дослужился до звания майора, награждён был семью боевыми орденами и тринадцатью медалями. Теперь Виктор Сорокин мог демобилизоваться и вернуться домой. Уже не надо стало ему готовить огненное снаряжение самолётов, разрабатывать боевые операции, летать на бреющем полёте над танковыми колоннами врага.

— Чем же ты сейчас думаешь заняться? — поинтересовался отец, когда сын вернулся. — Что другое ты умееешь?

Порой бывает так, что человеку оказывается необходимо сменить профессию. Сменить по разным причинам.

Виктор Иванович всё это время оставался преданным авиации. Только теперь ему нужно было найти себя в мирной жизни.

Перебирая бумаги своего дяди Митюши, не вернувшегося с Пулковских высот, он нашёл необыкновенные рисунки моделей обуви. Захотелось завершить оставшиеся на бумаге замыслы…

— Отец, а где тот самый заветный башмачок, который ты дарил дяде Митюше ещё до войны? Погиб вместе с ним?

— Нет, — ответил Иван Михайлович. — Он так и хранится у нас в доме.

— Покажи-ка.

Старый Сорокин удивился:

— Но зачем он тебе?

Однако достал из комода потемневшую от времени резную шкатулку.

Виктор Иванович вынул из неё красный башмачок.

— Удивительную загадку таит в себе этот талисман. Берёшь его в руки — и тобой овладевает неодолимое желание сотворить нечто подобное.

Отец насторожился:

— Неужто и у тебя родилось такое желание?

— Да, — чётко ответил Виктор Иванович.

И тогда отец энергично замахал на него руками:

— Нет, нет и ещё раз нет! Я говорю тебе так же, как отвечал ты мне когда-то. Боевому майору нечего делать на обувной фабрике. Ему наверняка найдётся место и на гражданском аэродроме, и в лётной школе, и, наконец, хотя бы в аэроклубе. Ты подумай: какой из тебя сапожник? Тебе тридцать пять лет. У тебя уж руки потеряли гибкость — они приноровились к другому труду.

— Зато я знаю технику, математику. Теперь ведь сапожник не тот, что был при молодости деда Герасима. Сам рассказываешь: со всех сторон рабочего окружают точные приборы, машины. Одним шилом да молотком не обойдёшься. А меня авиация приучила к точности, к расчёту. Управлюсь!

— Всё равно шилом да молотком надо уметь владеть, — возразил отец. — А кто тебя такого возьмётся учить?

— Ты, — не задумываясь ответил Виктор Иванович.

Но отца было не уломать:

— Изменил в своё время нашему делу — теперь ищи другое.

Тогда Виктор Иванович обратился к матери:

— Упроси отца взять меня в ученики. Да, я уже не мальчик. Но зато я твёрдо знаю, чего хочу. И добьюсь своего. Мне только нужна на первых порах помощь. А кроме отца, мне не к кому обратиться.

— Отец стар и болен, — сказала мать. — Не прошла нам даром пережитая в Ленинграде блокада. Трудно ему учить… Может быть, и вправду другим займёшься?

А Виктор за своё:

— Мирных специальностей, конечно, много. И хороших. Но зачем выбирать что-то новое, когда есть у нас хорошее семейное дело. Так почему мне им и не заняться?

— Ладно, — согласилась мать. — Попытаюсь всё-таки уговорить отца. Хотя бы во имя памяти твоего деда Герасима.

Долго Иван Михайлович ещё упорствовал: никак не мог простить сыну измены. Но в конце концов уступил.

Отец научил сына делать колодки по старинке: так же из чурок рубить топором и резать тесаком, так же потом шить самому от начала до конца первые туфли. Без этого искусства нельзя было в совершенстве овладеть станками.

Только не успел отец передать всю свою науку сыну. Через полгода он умер. Виктор Иванович сильно горевал: отец всегда служил ему примером, был добрым советчиком и прекрасным учителем.

Продолжил он учёбу у своего дяди — Александра Полутова, известного колодочника. Но по нынешним временам и этого оказалось мало. Модельную лабораторию заполняли десятки полезных станков и приборов. Они освобождали мастера от топора и тесака. Они значительно облегчали труд. И Виктор Иванович поставил себе задачу: научиться работать на всех механизмах.

Фабрика послала его продолжить учёбу в Москве. Потом ещё отправили его на стажировку в Чехословакию, на знаменитое обувное объединение «Свит». Зато теперь он сделался спецом — хоть куда! Пожалуй, и деда своего, и отца, и дядю — всех перещеголял в знаниях. Те всё на ощупь делали. А Виктор Иванович познал многие сложные науки.

Какое, например, строение имеет человеческая нога? Какие мышцы трудятся при ходьбе? Всё это изучает наука анатомия.

Из чего можно сшить обувь? Какую кожу к какой подмётке можно прикрепить? С чего начинается и чем заканчивается ботинок? Про это написано в учебниках технологии.

Про клеи, резину, пластмассу сказано в книжках по химии.

Какие машины применяют на обувных фабриках и как ими пользоваться? Узнаешь, когда изучишь машиностроение.

Оказывается, нельзя обойтись и. без географии, — потому что разные народы привыкли носить разную обувь. Даже ноги у всех разные. У японцев ступни маленькие, у шведов длинные, у казахов широкие, у французов узкие, у украинцев полные, у англичан худые. На одну колодку всем туфли не пошьёшь…

Но вот все науки пройдены. Настало время выполнять ему самостоятельные работы.

Первое задание Сорокину дали — подготовить школьницам туфельки на выпускной бал. И как в школьной задачке, поставили условия: цвет — белый, каблук — не высокий, колодка — узкая, украшения — скромные.

Выточил Виктор Иванович деревянные колодки. По ним сшили первую пару. Теперь туфлям предстояло пройти строгий экзамен на художественном совете.

Пришёл Сорокин с коробкой туфелек в демонстрационный зал.

Сидят за длинным-длинным столом инженеры, художники, мастера. Большинство ему незнакомы: на «Скороходе» он их не встречал. Почти перед каждым лежат коробки с обувью. Виктор Иванович поставил на стол свою. И она сразу пошла по рукам.

Один из сидящих, как показалось Сорокину, слишком грубо согнул туфельки пополам. Сказал:

— Гибкость достаточная.

Второй сильно рванул каблуки:

— Прочно прикреплены.

Третий стал мять и крутить между пальцами кожу:

— Мягкое шевро.

Ну а четвёртый — додумался: тупым концом авторучки попытался соскоблить носки и задники. И удивился при этом:

— Смотрите, выдерживают! Значит, носиться будут хорошо.

В общем, по мнению Виктора Ивановича, каждый как-нибудь стремился испортить туфли. Он едва сдерживался, смотря на все эти терзания.

Когда туфельки дошли до другого конца стола, в зале появились манекенщицы. Они по ступенькам взобрались прямо на стол, обули присланную на экзамен обувь и начали прохаживаться взад и вперёд. Виктор Иванович не слушал, что говорили по поводу другой обуви: всё внимание он сосредоточил на своей паре.

Бальные туфельки обула миловидная девушка. И сразу к ней посыпались вопросы:

— Удобно тебе?

— В пальцах не жмёт?

— Попробуй повертеться на каблуках.

— Не давит?

Девушке понравились туфельки. Наконец председатель совета объявил:

— Сорокинский фасон можно отправлять на ярмарку.

Виктор Иванович облегчённо вздохнул: значит, первый экзамен выдержан.

На ярмарке было проще, хотя не менее ответственно. Потому что теперь туфельки выставили на всеобщее обозрение в Доме культуры. Заходи любой и высказывай своё мнение! Можешь ещё и написать отзыв!

Особенно придирались продавцы магазинов. Один сказал:

— Покупатели нынче пошли капризные: требуют товар самый лучший.

И только после ярмарки новый фасон передали в цех. А Сорокину поступило новое задание: создать модельные сапожки под названием «казачок».

Ох уж эти модницы! Что они только не придумывают!

Подавай им высоченный каблук и чтобы при этом было легко ходить и ноги не уставали. Сапожки должны иметь узкий, как заострённый ноготь, носок, однако чтобы ни в коем случае пальцы не сжимали. И ещё просили модницы прикрепить сзади маленькие шпоры — совсем незаметные.

— Эка нагородили, — возмутился Виктор Иванович. — Сами

же себе противоречат. Как может быть сапожок удобным, если каблук в полторы ладони? Опрокинешься!

Но всё-таки взялся за «казачок». Долго ломал голову, как сделать колодку такой, чтобы и фасону соответствовала и чтобы нога в таком сапожке чувствовала себя «как дома» — как в домашней туфле. Разные формы пробовал. Не сразу получалось. Но нашёл. Форма колодки подчёркивала элегантность модели, а ноге было удобно. Славный получился сапожок.

* * *

Задания Сорокину попадались одно сложнее другого. Но что удивительно: чем больше он возился над новой парой, тем интереснее ему было работать.

Что же ожидало его впереди?

На «Скороходе» делают всевозможную обувь — от сапог до тапочек. Какие ему закажут завтра? Ботинки для космонавтов, чтобы бродить по пыльным тропинкам далёких планет, или футбольные бутсы, чтобы выигрывать на олимпиадах?

…Как-то на праздновании Дня Победы встретился Виктор Иванович со своими однополчанами. Давно друг друга не видели. Начались расспросы: кто как живёт, где теперь на мирных должностях служит. Узнали боевые друзья, что Сорокин стал сапожником. Ну и поинтересовались, конечно:

— Что ты на обувной фабрике делаешь, бывший лётчик?

— Сейчас? Вот собираюсь сапоги с электростанцией смастерить.

— Да разве такие бывают?

— Будут.

И Виктор Иванович начал рассказывать:

— Придумал их один ленинградский пэтэушник. Звать его Коля Погребальский. Он взял обычные сапоги на толстой подошве-платформе и засадил в них крошечную динамо-машину. Человек идёт по дороге, отталкивается то носком, то пяткой и тем самым заставляет работать машину. Крутится внутри подошвы генератор — как на электростанции — и вырабатывает ток, согревает ноги.

Однополчане не хотели верить: не может быть!

— А то ещё читал я в газете про чудо-туфли, — продолжал Сорокин. — Изобрели их ленинградские учёные. В таких туфлях не страшна никакая тряска — ни в трамвае, ни в самолёте. Потому что подошва у них надувная. В них вообще очень легко шагать по земле: словно ходишь по воздушной подушке.

Кто-то из друзей не удержался:

— Ну и выдумщик ты, Сорокин!

— Я-то не выдумщик, — ответил Виктор Иванович. — Вот уфимские изобретатели — те и впрямь выдумщики! Знаете, до чего додумались? Обычные кирзовые сапоги переделали в курьерские скороходы! Надевай их — беги хоть пять часов подряд со скоростью трамвая! И это несмотря на то, что каждый сапог весит больше трёх килограммов. Эта обувь снабжена двигателями внутреннего сгорания, как автомобиль. Топливо — обычный

бензин. Всего лишь семидесяти граммов горючего достаточно, чтобы пробежать двадцать пять километров. И не устать!

— Кому же, собственно говоря, понадобятся такие сапоги? — спросил товарищ Сорокина.

— Может быть, ребятам, отправляющимся в дальний турпоход, — высказал предположение Виктор Иванович.

— Может быть, чабану с огромной отарой, — подсказал другой боевой друг.

— И геолог вряд ли откажется от скоростного передвижения.

— Курьерским сапогам обрадуются сельские почтальоны…

Виктор Иванович заметил:

— Всё это верно. Ещё какую обувь придумают люди, трудно представить. Единственное, что уже сейчас твёрдо знаю: наши потомки босыми ходить не будут. Так что сапожная профессия, выходит, вечная.

И обидно становилось Сорокину, если этого кто-то недопонимал, вроде тех восьмиклассников, с которыми он встретился в фабричном музее. Теперь уж он не сомневался, что удачно в своё время выбрал мирную специальность. (Кстати, и трое из тех восьмиклассников сейчас работали на «Скороходе» — убедил-таки их Сорокин.)

Вслед за Виктором на обувную фабрику пришёл его брат Михаил Иванович. Быстро освоил мастерство и стал заместителем начальника цеха. На фабрике трудились простыми обувщиками жёны братьев Сорокиных — Антонина и Вера.

Когда подросли их дети, и они пристрастились к обувному производству. Сын Виктора Ивановича, Борис, занялся наладкой сапожных машин. Дочери Михаила Ивановича, Галя и Наташа, помогали колодочникам.

Если сосчитать всех Полутовых и Сорокиных, которые занимались обувным делом, то их династия составит семнадцать человек. А если сложить количество лет, которые они все вместе проработали, получится почти четыреста! Вот какая семейка!

Кто же из них достиг наивысшего мастерства?

Каждый о себе оставил добрую память в обувном производстве. И так уж повелось: тот, кто приходил позже, стремился перещеголять предыдущих. Отец — умелец, а сын его становился умельцем из умельцев.

Мастерство отца и деда и всех своих родных вобрал в себя Виктор Иванович Сорокин. Опыт поколений обувщиков, да ещё помноженный на знания современной техники, и талант позволяют Виктору Ивановичу — модельеру-колодочнику — воплотить в реальность любую мечту. А ведь люди мечтают не только о полётах на космических кораблях, но и об изящной и

удобной обуви!

Во всей стране знают сейчас обувщики Виктора Ивановича Сорокина. Поезжайте на любую обувную фабрику — во Ржеве или Армавире, в Ереване или Николаеве — обязательно оттуда передадут привет Сорокину. Доведётся вам побывать в столичном институте, где изучают сапожные проблемы, — и учёные также попросят вас передать привет Сорокину. А если вы зайдёте в Министерство лёгкой промышленности, то и там услышите просьбу: передайте привет Сорокину!

У Виктора Ивановича много учеников. Он щедро делится своими знаниями. К нему приходят ребята из профессионально-технического училища и студенты из института, к нему приезжают обувщики из других городов и из других стран.

Хранится у Сорокина дома крохотный красный башмачок. Кому из своих лучших учеников Виктор Иванович вручит его, он ещё не решил.

А может быть, когда ты подрастёшь, башмачок достанется тебе?

notes

Примечания

1

Очень хорошо *(нем.)*.